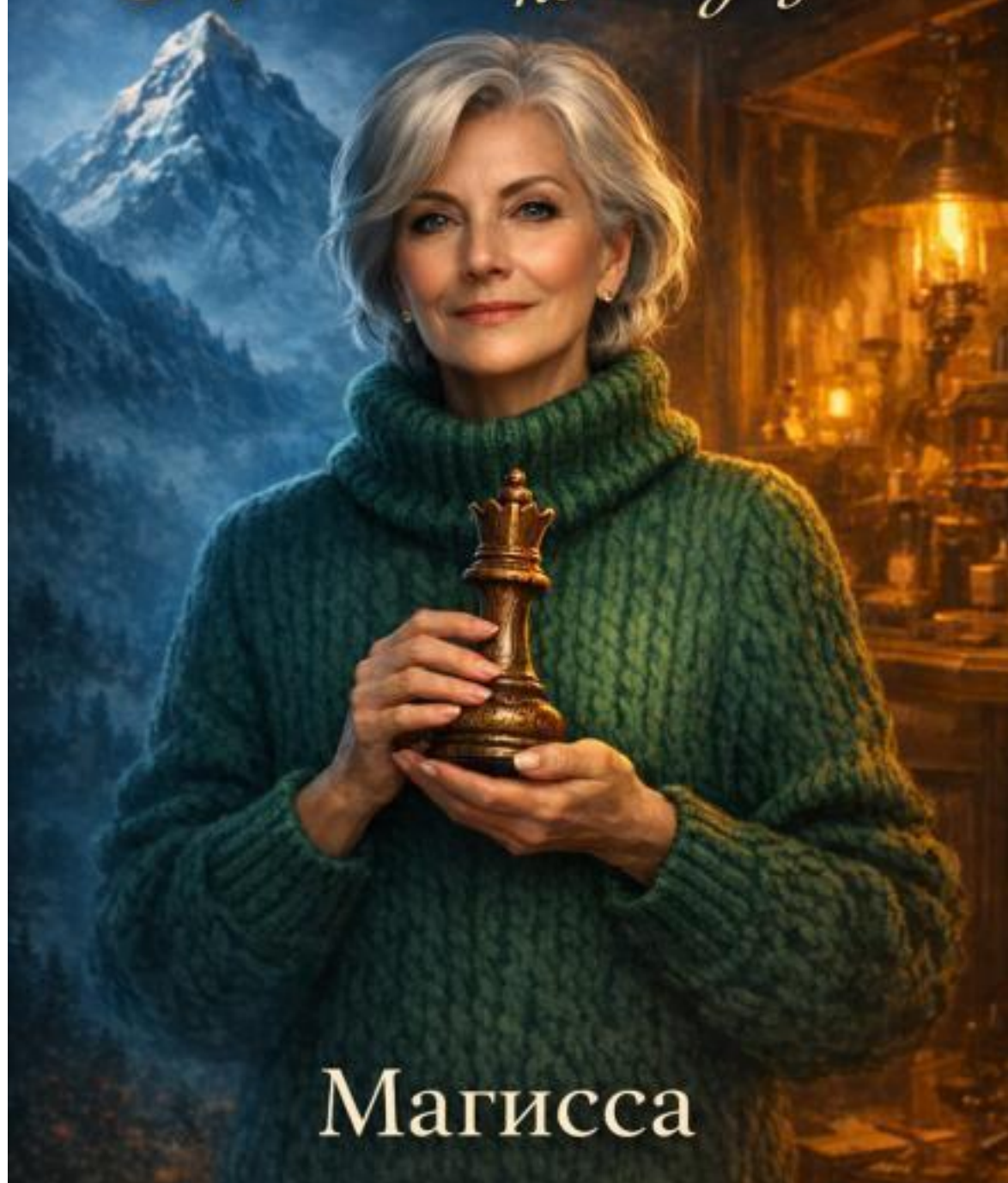

РАЗВОД в 65:

*Приползешь,
но не пущу!*

Магисса

Магисса –
**Развод в 65:
Приползешь, но не Пущу!**

«Литнет»

2026

– М.

Развод в 65: Приползешь, но не Пущу! / М. — «Литнет», 2026

- Ульяна? Она хорошая женщина. Удобная, предсказуемая, плоская равнина. А ты, Виолла - вершина, которую я хочу покорять снова и снова. С ней я доживаю, а с тобой - живу. Я стояла у чужой палатки, сжимая в онемевших пальцах ампулы, которые в сумерках несла мужу через перевал, чтобы спасти его от боли. Мой муж, человек, которому я отдала сорок лет жизни, ради которого забыла о себе и стала бесплотной тенью, только что вычеркнул меня ради молодой богатой туристки. Он был уверен, что я проглочу обиду. Что в шестьдесят пять лет женщины не разводятся. Что я поплачу, утрюсь и покорно вернусь на кухню нашего гостевого дома -обслуживать его величие и его больную ногу. Но он забыл одну вещь. У «равнины» тоже есть свои границы. Я не стала устраивать истерик и рвать на себе волосы. Я молча оставила лекарства у входа, развернулась и ушла. Из лагеря, из нашего бизнеса и из его жизни. Теперь у него есть его «вершина». Только вот когда он сорвется вниз, ловить его будет некому. И когда он, сломленный и никому не нужный, приползет к моему порогу - а он приползет, - я задвину засов.***В книге вас ждут: измена мужа после долгих лет брака сильная героиня с чувством достоинства молодая и циничная любовница бывший умоляет простить (но мы не простим!) настоящий мужчина и глубокая поздняя любовь хэппи энд для героини

© – М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Тропа к обрыву	5
Глава 2. Наждачная бумага	9
Глава 3. Возвращение короля	14
Глава 4. Слепое пятно (Георг)	18
Глава 5. Кашемир и блинчики	22
Глава 6. Обрушение системы	25
Глава 7. Предательство крови	29
Глава 8. Тяжесть чужой руки	32
Глава 9. Идеальный срез	35
Глава 10. Фантомные боли	39
Глава 11. Вспышка	42
Глава 12. Деревенский хор	46
Глава 13. Земля под ногами	50
Глава 14. Осадок на дне	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1. Тропа к обрыву

Удивительно, как много весит чужая боль. Физически много. Мой рюкзак тянул плечи вниз так, словно я несла в нем не десяток стеклянных ампул и легкий ортопедический корсет, а кусок гранитной скалы.

Воздух на высоте становился колючим, разреженным, он царапал горло при каждом глубоком вдохе. Мне шестьдесят пять, и мои суставы давно отвыкли от таких резких марш-бросков. Под подошвами жестких трекинговых ботинок монотонно хрустела мелкая каменная крошка. Темно-синяя мембранная куртка уже не спасала от проникающего под воротник стылого холода, который всегда сползал в ущелье с ледника Каменного Стража сразу после захода солнца.

Георг забыл свои лекарства. Как обычно. В суете перед выходом его новой эксклюзивной группы, он раздавал указания, красовался перед новичками, рассказывал свои фирменные байки у крыльца нашего гостевого дома, картинно опираясь на потертый альпеншток. Никто из этих восторженных людей в ярких куртках не видел изнанки нашего бизнеса. Никто не знал про мои гудящие от многочасовой усталости ноги, про бесконечные списки закупок на оптовых базах, про ежедневную стирку тяжелого постельного белья в подвале. Весь флер нашего горного приюта, пахнущего свежезапеченным мясом, брусничным пирогом и хвоей, держался исключительно на моем педантичном, каторжном труде. Для всех туристов это был бизнес великого Георга Строганова.

А самое важное - жесткий каркасный корсет для спины и фланелевый сверток с обезболивающим диклофенаком и витаминами - великий Георг оставил на прикроватной тумбочке.

Я обнаружила их только через пару часов после того, как группа ушла на маршрут. Если ночью на высоте у мужа прихватит старую травму, он просто не сможет спуститься самостоятельно. Его тело превратится в парализованное бревно. И я, как преданная жена, как его бесменный и надежный тыл, привычно подавила раздражение. Молча собрала небольшой штурмовой рюкзак, взяла телескопические палки и пошла следом по крутой тропе. Кто, если не я? Я всегда так делала.

Стук алюминиевых палок о камни задавал ритм моему сбивающемуся дыханию. Вдох, два шага, выдох. Лес вокруг стремительно терял краски. Запах прелой хвои сменился резким, минеральным запахом голого камня. Высокие сосны превращались в черные графичные силуэты на фоне темнеющего вечернего неба. Я шла и ловила себя на мысли, что весь мой брак - это вот такой бесконечный подъем в гору с чужим грузом за спиной.

До плато оставалось метров двести. Я остановилась, чтобы выровнять зашедшийся пульс. Оперлась на палки, опустила голову, переводя дух. Сняла правую флисовую перчатку, сунула озябшую руку в глубокий карман куртки. Пальцы тут же нащупали прохладную гладкую древесину.

Маленький горный орел, искусно вырезанный из алтайского кедра.

Я резала его всю прошлую неделю. По вечерам, когда в гостевом доме стихал гул чужих голосов, когда были вымыты горы посуды и пересчитаны запасы на складе, я уходила в свою пристройку-мастерскую. Пространство, где пахло морилкой и стружкой. Включала старую настольную лампу, доставала из кожаного чехла узкую стамеску, штихели, разложенные по размеру с хирургической точностью, и забывала обо всем. Дерево для меня - единственный собеседник, который никогда не перебивает. Оно безропотно вбирает в себя ту невысказанную усталость, которую нельзя было показывать мужу.

Кедр - удивительный материал. На срезе он розоватый, теплый, словно живое тело. Я помню, как аккуратно снимала стружку, как она золотистыми кольцами падала на дощатый пол, и как густо пахло льняным маслом, когда я бережно втирала его в раскисшие деревянные

крылья. Кедр прощает мастеру мелкие ошибки, если работать правильно, двигаясь лезвием вдоль волокон. Он не сопротивляется, а словно сам подсказывает рукам нужную форму.

Я гладила огрубевшим большим пальцем изогнутую спину деревянной птицы, которую несла мужу как оберег. В этом неосознанном жесте пряталась вся суть нашего долгого союза с Георгом. Сорок лет я только и делала, что сглаживала острые углы. Мой муж всегда был на виду - непререкаемый авторитет, живая легенда нашего поселка Туманова Падь. Мужчина с красивой, густой сединой и той самой благородной хромотой, последствием давней лавины, которая придавала ему еще больше мужественного веса в глазах клиенток.

А я была просто грубой наждачной бумагой. Мелкой шкуркой, которая методично убирала шероховатости с блестящей поверхности его идеальной жизни. Забытые вещи, неоплаченные квитанции, его раздражение после неудачных сезонов, недовольство привередливых гостей, прорванные трубы в гостинице - все это тихо и незаметно устраняла я. Я обеспечивала тот самый крепкий фундамент, на котором он так уверенно стоял. И мне искренне казалось, что это правильно. Что в этом полном растворении себя, в этом тихом служении и есть настоящая любовь. Я привыкла быть тенью.

Тропа вильнула вправо, огибая массивный гранитный валун, и я наконец вышла на плоское плато базового лагеря. Сумерки окончательно сгустились, превратив ущелье за спиной в черную бездонную воронку. Над головой раскинулось ледяное, равнодушное звездное небо. Гора Каменный Страж нависала над стоянкой огромной глыбой, напоминая о том, как малы мы все перед лицом вечности. Температура опустилась ниже нуля, изо рта при каждом выдохе вырывались густые облачка белого пара. Мелкие лужицы в углублениях камней уже затянуло тонкой хрустящей коркой льда.

Лагерь спал. Желтые полусферы стандартных палаток нашего приюта темнели на фоне отвесных скал. Я знала их все наизусть, сама закупала их пять лет назад. Но в самом конце ровной площадки, хитро укрытая от прямого пронизывающего ветра за каменным выступом, светилась изнутри совсем другая палатка. Дорогая, из тонкого ветроустойчивого силиконизированного нейлона, с усиленными алюминиевыми дугами. Палатка Виоллы Синицыной.

Виолла была нашей особенной клиенткой в этом сезоне. Сорокадвухлетняя столичная владелица сети модных фитнес-клубов и ретрит-центров, которая приехала к нам искать какую-то первобытную энергию вдали от цивилизации. Ухоженная до пугающего блеска, всегда в идеальном кашемире даже у костра, она смотрела на наш деревенский быт с легкой брезгливой заинтересованностью.

Я аккуратно ставила ноги на курумник, выбирая крупные, плоские камни, чтобы не издать ни единого звука. Я слишком хорошо знала, как надо ходить по осыпи. В моей голове билась только одна тревожная мысль: Георгу стало плохо на вечернем переходе, у него скрутило спину, и его перенесли в ближайшую комфортную палатку, чтобы не тащить через весь лагерь по холоду. Я уже прокручивала в уме привычный алгоритм действий: разогреть стеклянную ампулу в ладонях, быстро сделать укол, туго затянуть ремни жесткого корсета, напоить травяным чаем.

Я подошла к закрытому тамбуру вплотную. От высокотехнологичной ткани веяло слабым, рассеянным теплом аккумуляторной кемпинговой лампы. Сквозь запах морозного камня вдруг отчетливо пробился аромат дорогого, тяжелого парфюма.

Я занесла руку в перчатке, чтобы расстегнуть металлическую молнию. И замерла.

Изнутри не доносилось никаких стонов. Не было слышно тяжелого, прерывистого дыхания больного человека, борющегося со спазмом. Оттуда звучал ровный, глубокий, абсолютно спокойный голос моего мужа. Тот самый гипнотический, бархатный тембр, которым он обычно рассказывал мистические легенды у ночного огня, собирая восхищенные взгляды.

- Ульяна? - произнес Георг. Снисходительно. Мягко. Как говорят о старом, верном псе, который уже плохо видит, но все еще приносит тапочки. - Она хорошая женщина.

Я перестала дышать. Горный ветер на секунду стих, словно прислушиваясь вместе со мной к тому, что происходило за тонким слоем нейлона.

- Но она - равнина, - неспешно продолжил муж, и в его голосе зазвучали философские нотки. - Удобная, предсказуемая, совершенно плоская равнина. А ты, Виолла - вершина. Вершина, которую я хочу покорять снова и снова. С ней я просто доживаю свой век. А с тобой - я живу.

Раздался тихий, грудной женский смех. Сытый и довольный смех хищницы, которой принесли лучший кусок мяса. Затем громко звякнула металлическая крышка термоса, наливаемого в походные кружки.

- Какой ты сложный, Георг, - мурлыкнула Виолла, шурша спальным мешком. - Настоящий артефакт.

В этот момент я не закричала. Не выронила из рук алюминиевые палки с громким стуком на камни. Знаете, как бывает, когда внезапно лопается перетянутая гитарная струна? Происходит один резкий, короткий, почти беззвучный щелчок где-то очень глубоко внутри. И музыка заканчивается навсегда. Наступает абсолютная, ватная глухота.

Сорок лет брака. Сотни холодных ночей, когда я ждала его возвращения с опасных штурмовых маршрутов. Годы, проведенные на душной кухне нашего приюта, где я стирала в кровь пальцы об ножи и терки, чтобы утром накрыть идеальный стол для его гостей. Тысячи невидимых часов, вложенных в его комфорт, в его статус, в его спокойствие. Вся моя жизнь, методично стертая в пыль ради поддержания его пьедестала.

И все это он только что назвал «удобной равниной». Не со зла. Без скандала. Он просто буднично констатировал факт перед чужой, красивой женщиной.

В груди стремительно разлился ледяной холод, намного страшнее и жестче того, что спускался с горных вершин. Привычная картина мира просто исчезла. Как выключенный свет в комнате. Оказалось, мой муж - не великий горный орел. Он просто стареющий мужчина, который до одури боится своего возраста и готов скормить жизнь своей жены чужому тщеславию ради глотка свежего обожания.

Моя психика мгновенно отключила эмоции, передав управление телом чистой, выверенной моторике. Сработал защитный рефлекс взрослого человека, привыкшего выживать и полагаться только на себя.

Я бесшумно опустилась на одно колено прямо на острые камни возле тамбура палатки. Осторожно, чтобы случайно не звякнул металлический язычок молнии, приоткрыла край влажной от конденсата ткани.

Ночью на этой высоте уже стоял уверенный минус. Если просто оставить ампулы на открытом камне, к утру стекло гарантированно лопнет от мороза. Даже сейчас, в момент страшного предательства, мой мозг продолжал работать логически, отказываясь вредить живому существу. Я скинула рюкзак с плеч. Достала жесткий ортопедический корсет и аккуратно положила его на край туристического коврика в холодном предбаннике палатки. Внутри корсета, как в надежный защитный чехол, сунула плотный фланелевый сверток с ампулами и шприцами. Там они точно не замерзнут до утра.

А затем я снова вытащила из кармана куртки кедрового орла. Мои замерзшие пальцы, еще хранившие остатки тепла гладкого дерева, медленно разжались. Я поставила искусно вырезанную фигурку прямо поверх черного медицинского корсета.

Как жирную точку. Как мою немую подпись на невидимых документах о нашем неминуемом разводе.

Я медленно выпрямилась. Спина привычно хрустнула от напряжения. Посмотрела на светящийся мягким желтым светом силуэт дорогой палатки. За тонкой тканью мелькнули и плавно слились воедино две темные тени.

Я застегнула воротник куртки до самого подбородка. Развернулась спиной к спящему лагерю, поправила сползшую лямку опустевшего легкого рюкзака, крепко перехватила холодные рукояти трекинговых палок и сделала первый уверенный шаг на узкую каменистую тропу. Тропу, уводящую вниз, в спасительную крошечную тьму ущелья. Никакой горы за моей спиной больше не существовало.

Глава 2. Наждачная бумага

Спускаться всегда физически тяжелее, чем подниматься. Любой человек, хоть раз ходивший в горы, знает эту безжалостную истину. При подъеме работают легкие и сердце, ты борешься с нехваткой кислорода, мышцы горят от напряжения, но при спуске в дело вступает чистая, неумолимая гравитация. При каждом шаге вниз весь вес твоего тела обрушивается на коленные суставы с удвоенной силой. Гора словно пытается вбить тебя в землю, напоминая, что ты состоишь из хрупких костей, стирающихся хрящей и стареющих связок.

Мои жесткие трекинговые ботинки ритмично скользили по осыпи. В темноте курумник покрылся предательской, невидимой глазу ледяной коркой изморози. Температура уверенно держалась на минусовой отметке, вымораживая влагу из воздуха. Алюминиевые наконечники моих телескопических палок издавали монотонный, сухой стук при столкновении с гранитом. Вдох - два шага - выдох.

Луч налобного фонарика выхватывал из густого мрака лишь узкую полоску каменистой тропы и голые корни сосен, похожие на скрюченные от артрита старческие пальцы. Темно-синяя мембранная куртка отводила влагу от вспотевшей спины, но лицо буквально горело от колючего горного ветра, спускающегося с ледников. Я шла в поселок на чистом, въевшемся в подкорку автоматизме мышечной памяти, перенося вес с одной ноги на другую.

Именно здесь, на крутом и опасном участке у старого каменистого оползня, я поймала себя на абсолютно новом, непривычном ощущении. Раньше этот ночной лес пугал меня до тошноты. Если Георг задерживался на маршруте, если погода резко портилась, я выходила на крыльцо нашего приюта и смотрела в темноту ущелья с бешено колотящимся сердцем. Я вздрагивала от каждого шороха, изводила себя страшными картинками порванных страховочных тросов, сошедших лавин, его поврежденной ноги. Я лелеяла этот страх, носила его в себе как драгоценную хрустальную вазу, потому что искренне верила: мое беспокойство хранит его. Я считала, что моя тревога - это и есть любовь.

А сейчас внутри меня царила абсолютная, звенящая пустота. Ватная, спасительная глухота, накрывшая меня там, на плато, у дорогой силиконовой палатки Виоллы, постепенно отступала. На ее место приходила холодная, как этот ночной воздух, ясность. Страх больше не было. Потому что самое страшное уже произошло, и бояться больше было нечего.

Картина моего мира не просто дала трещину - она рассыпалась на тысячи мелких, не подлежащих склейке осколков. Мужчина, ради которого я сорок лет перемалывала свою молодость, свои собственные маленькие амбиции, свой покой и свое здоровье в мелкую муку, буднично назвал меня удобной равниной. Оказывается, я была не партнером по связке. Я была просто ровной, забетонированной площадкой, на которой ему было удобно ставить свой красивый, сверкающий лагерь перед очередной победой.

Тропа вильнула в последний раз, выравнилась, переходя в грунтовую дорогу. Впереди показались темные, неровные силуэты домов Тумановой Пади. Поселок спал тяжелым, глухим сном межсезонья. В окнах не было ни единого огонька.

Я подошла к нашему гостевому дому со стороны черного служебного входа. Массивное трехэтажное здание из темного бруса высилось на фоне ночного неба, как неприступная крепость. «Приют Строгановых». Наша местная легенда. Наша гордость. Наша кормилица. Точнее, его блестящая гордость и моя круглосуточная, невидимая вахта.

Я бесшумно, чтобы не разбудить спавших на втором этаже постояльцев, отперла тяжелую металлическую дверь и шагнула в спасительное тепло тамбура. Привычным жестом прислонила телескопические палки в угол к стене. Стянула флисовые перчатки, скинула с плеч опустевший легкий рюкзак, расшнуровала и сняла трекинговые ботинки, аккуратно поставив их

на резиновый коврик для грязной обуви. Сняла мембранную куртку, повесив ее на железный крючок. Оставшись в плотном шерстяном свитере и походных брюках, я прошла на кухню.

Здесь не было ночи. Здесь было мое личное, вечно работающее производство. Я не стала включать яркий верхний свет, щелкнула только тумблером маленькой желтой лампы над широкой столешницей рабочей зоны.

Кухня встретила меня запахами. Густой, пряный аромат остывшего в огромной духовке свиного окорока с розмарином и чесноком. Легкая, будоражащая кислинка брусничного соуса в сотейнике. Едва уловимый, стерильный запах хвой от чистящего средства, которым я вчера вечером до зеркального блеска отдраила медные поверхности. А еще - живой, теплый запах дрожжей. В огромной эмалированной миске, заботливо укрытой чистым вафельным полотенцем, мерно дышало и поднималось тесто для утренних блинчиков. Завтрак для гостей должен подаваться ровно в восемь утра, горячим, сытным и безупречным.

Моя система функционировала идеально. Механизм, смазанный моим каторжным трудом, работал без единого сбоя. Гудели мощные промышленные холодильники, забитые отборными продуктами. Кладовые ломились от бакалеи, а в буфете ровными, выверенными стопками лежали накрахмаленные льняные салфетки.

Я стояла посреди этого царства уюта и смотрела на него совершенно чужими глазами. Глазами отстраненного аудитора, который пришел описывать чужое, не принадлежащее ему имущество.

Мой взгляд медленно переместился в центр просторной столовой зоны, совмещенной с кухней. Там стоял он. Огромный, почти трехметровый гостевой стол из цельного массива дуба. Сердце нашего приюта. За ним с комфортом помещалась целая группа туристов. Георг заказал его много лет назад, потратив половину нашей зимней выручки, просто потому что "настоящий альпинист должен принимать гостей за настоящим деревом".

Во главе этого стола находилось любимое место мужа. Его негласный трон. Оттуда открывался лучший вид на потрескивающий в камине огонь и, что важнее, на восхищенные, смотрящие в рот лица клиенток. Я подошла ближе и провела кончиками замерзших пальцев по краю столешницы. В этом конкретном месте полиуретановый лак, которым был покрыт дуб, слегка помутнел и покрылся микроскопической матовой сеткой царапин. Георг любил сидеть, тяжело опираясь локтями на стол, подавшись вперед, когда своим бархатным, гипнотическим голосом рассказывал мистические легенды о покоренных вершинах.

Молодые, истеричные героини в дешевых сериалах в такие моменты бьют посуду. Они срывают скатерти вместе с тарелками, кричат в пустоту, рыдают на полу, швыряют об стену совместные фотографии в стеклянных рамках. Но мне шестьдесят пять лет. Я слишком долго работала руками, чтобы не знать цену вещам, и давно отучилась тратить энергию на бессмысленный, театральный шум.

Моему телу, скрученному от невысказанного потрясения и избытка адреналина, требовался немедленный физический выход. Но я привыкла направлять любую разрушительную силу в работу.

Я развернулась и вышла из теплой кухни в холодный коридор, ведущий к моей неотапливаемой пристройке-мастерской. Там, среди запахов пролитого льняного масла, кедровой стружки и можжевельника, царил мой личный порядок. Я подошла к стеллажу с расходными материалами и выдвинула нижний деревянный ящик.

Мне не нужна была мягкая шлифовальная губка. Не нужна была мелкая наждачная шкурка для нежной, финишной полировки, которой я обычно доводила до идеала свои шахматные фигурки. Мои пальцы безошибочно нащупали рулон жесткой, агрессивной наждачной бумаги на плотной тканевой основе. Маркировка Р40. Самое крупное зерно. Абразив, похожий на наколотый базальт. Эту бумагу столяры используют для грубой обдирки, когда нужно без-

жалостно снять мертвые, сгнившие слои или толстую корку старой, въевшейся краски, чтобы наконец добраться до живого дерева.

Я отрезала тяжелым строительным ножом широкий прямоугольник, туго закрепила его на деревянном бруске-держателе и вернулась на кухню.

Я встала у места Георга. Положила ладони на деревянный брусок. Сделала глубокий, прерывистый вдох, наполняя легкие воздухом, пахнущим дрожжами и розмарином. И со всей силы, навалившись всем весом своего тела, провела бруском по лакированной столешнице.

Шррр-хх.

Резкий, хищный, царапающий звук разорвал тишину спящего дома. Крупный корунд безжалостно вгрызся в гладкую, идеальную поверхность, оставляя глубокие, уродливые беле-ые борозды на глянце.

Шрррр-хх. Шрррр-хх.

Я начала работать. Движения от себя и к себе. Строго вдоль древесных волокон. Мои плечи, еще нывшие от тяжести походного рюкзака, мгновенно включились в новый, жесткий ритм.

Шрррр-хх.

Вместе с химической пылью старого лака я методично сдирала со стола свое прошлое. С каждым агрессивным движением рук, с каждым миллиметром снимаемого прозрачного покрытия я уничтожала, стирала в порошок пласты своей многолетней покорности.

Я сдирала год, когда у меня была температура под сорок, но я встала в пять утра лепить домашние пельмени, потому что у Георга заехала очень важная группа из столицы, и им непременно нужен был "настоящий деревенский уют". Шрррр-хх.

Я сдирала тот провальный сезон, когда я слезно просила нанять мне хотя бы временную помощницу в прачечную, потому что от дешевых химикатов у меня до крови трескалась кожа на руках. А он посмотрел на меня своим фирменным, мягким взглядом с поволокой и проникновенно сказал: "Улечка, ну ты же знаешь, нам сейчас нужно обновить снаряжение. Моя нога просто не выдержит старых креплений. Потерпи еще немного, ты же мой надежный тыл. На ком мне еще держаться, если не на тебе?". И я терпела. Шрррр-хх.

В воздух медленно поднялась мелкая, едкая пыль. Она оседала на темных рукавах моего свитера, путалась в седеющих волосах, щекотала ноздри. Кухня наполнилась запахом трения, нагретого полиуретана и высвобождающейся из-под химического панциря старой древесины.

Георг никогда не кричал на меня матом. Не бил кулаком по столу. Его тирания была завернута в дорогой, благородный бархат. Он просто методично, год за годом, заставлял меня поверить, что моя жизнь имеет вес только тогда, когда я обслуживаю его интересы. Что я должна быть бесконечно благодарна за то, что такой великий, красивый мужчина позволяет мне стирать его вещи и вести его сложную бухгалтерию.

Равнина. Он назвал меня плоской равниной.

Я навалилась на брусок с удвоенной силой, до скрипа стискивая зубы. Дыхание сбилось на тяжелый хрип. Мышцы спины горели пульсирующим огнем.

Но ведь равнина - это место, где растет хлеб. Где текут полноводные реки. Где строится жизнь и стоят теплые, крепкие дома. Равнина кормит, согревает и рождает новое. А его вожденная "вершина" - это просто кусок голого, безжизненного камня, покрытого вечным льдом. Там нет кислорода. Там можно только тешить свое больное тщеславие, рискуя сломать шею на потеху публике, а потом все равно спуститься вниз, чтобы в тепле и сытости жрать то, что вырастила и собрала равнина.

Время потеряло свой счет. Я вошла в тот медитативный, спасительный транс, который знаком лишь людям тяжелого физического труда. Когда измученное тело превращается в простой механизм, в поршень, раз за разом совершающий одно и то же монотонное действие, а мозг в это время очищается от липкой шелухи иллюзий.

Я даже не заметила, как чернота за широкими окнами кухни начала бледнеть. Небо над глубоким ущельем сменило цвет с глухого графитового на мутно-сизый. Наступал рассвет.

Я остановилась только тогда, когда сквозь ритмичный звук сухого трения пробился острый, влажный звук скольжения, а ладони обожгло резкой, внезапной болью.

Я замерла, тяжело опираясь на край стола и жадно глотая ртом сухой, пыльный воздух. Опустила глаза вниз.

Я работала без защитных перчаток. Грубая, почти каменная поверхность наждачной бумаги безжалостно прошла по моим рукам. Костяшки указательного и среднего пальцев на правой руке были стерты в кровь. Тонкая кожа лопнула, обнажив воспаленную, ярко-красную плоть.

На месте Георга во главе стола больше не было глянцевого лака. Там зияло огромное, размером с поднос, пятно первозданного, светлого дуба. Дерево было непоправимо изуродовано глубокими царапинами от грубого зерна. И прямо на эти светлые, беззащитные обнаженные волокна падали густые, темные капли моей крови со стертых рук.

Я молча смотрела на испорченный стол. На уничтоженный фасад нашего идеального быта. Восстановить это локально было уже невозможно - чтобы убрать перепад высот и выровнять цвет, придется выносить тяжелую столешницу из дома и отправлять ее в промышленный цех на глубокую циклевку. Стол был безнадежно, окончательно испорчен. Как и наш брак.

Именно в эту секунду, стоя в тишине и глядя на свою кровь, мгновенно впитывающуюся в сухую древесину, я приняла окончательное решение. Никаких ночных слез в подушку. Никаких изнурительных выяснений отношений. Никаких попыток "все склеить ради сохранения семьи", которых от меня наверняка будет ждать общество и наш взрослый сын. Я подаю на развод. Точка. Рубикон перейден, и мосты позади меня весело и жарко полыхали, согревая озябшую спину.

Я медленно выпрямилась. Уставшая спина отозвалась протяжным, болезненным хрустом. Отложила окровавленный деревянный брусок в сторону, прямо на светлую древесную пыль.

Подошла к глубокой раковине из нержавеющей стали. Повернула хромированный рычаг смесителя. Ударила ледяная вода. Я сунула под тугую струю свои израненные руки. Вода окрасилась розовым и закружилась в воронке слива. Я взяла жесткий кусок серого хозяйственного мыла и начала методично, совершенно не жалея себя, намыливать открытые ссадины. Боль была ослепительной, пронзительной, она заставляла шипеть сквозь плотно стиснутые зубы. Но это была правильная, отрезвляющая боль живого человека, а не та тягучая, тупая фантомная боль вечной прислуги, с которой я жила последние годы.

Насухо вытерев руки бумажным полотенцем, я достала из навесного шкафчика дежурную аптечку. Спокойно, чуть подрагивающими от напряжения пальцами, наклеила на сбитые костяшки плотные бактерицидные пластыри.

Затем я подошла к столу с тестом. Откинула чистое вафельное полотенце. Тесто поднялось великолепной пышной, пористой шапкой, наполнив кухню знакомым уютным ароматом. Я сжала здоровую левую руку в кулак и сильным, уверенным движением обмяла его, выпуская наружу лишний углекислый газ, чтобы оно могло подняться снова к завтраку. Жизнь в приюте должна продолжаться, даже если моя собственная рухнула.

Я посмотрела на изуродованный край дубового стола. В любой другой день я бы в панике бросилась искать плотную льняную скатерть, чтобы аккуратно застелить поврежденное место и скрыть изъян до возвращения мужа, лишь бы не портить ему настроение перед туристами.

Но сегодня я просто щелкнула выключателем, гася свет над столешницей.

Я не стану больше ничего прятать. Пусть великий Георг, когда спустится со своей ледяной вершины, полюбуется на то, что скрывалось под тонким слоем его лакированного благо-

получия. Оставив все как есть, я развернулась и вышла из кухни, плотно прикрыв за собой тяжелую дверь. Утро только начиналось.

Глава 3. Возвращение короля

Хруст крупного гравия под тяжелыми шинами внедорожников разорвал утреннюю тишину двора. Я стояла у глубокой металлической раковины, машинально споласкивая под краном белые фарфоровые чашки для кофе. Вода была обжигающе горячей, но я этого почти не чувствовала. Мой взгляд был намертво прикован к широкому панорамному окну кухни.

Бессонная ночь, проведенная сначала на ледяном горном склоне, а затем за варварским уничтожением дубового стола, жгла глаза сухим песком. Гудел позвоночник, напоминая о возрасте, но адреналин держал тело в состоянии натянутой струны. На рассвете я заставила себя встать под ледяной душ, смыть древесную пыль, надеть свежую льняную рубашку и повязать безупречно чистый рабочий фартук. Я не собиралась встречать крушение своей жизни в потном походном свитере.

Машины остановились у крыльца нашего гостевого дома. Дверцы захлопали, выпуская наружу уставших, но возбужденных туристов в ярких мембранных куртках. Они смеялись, похлопывали друг друга по плечам, их лица раскраснелись от спуска и холодного ветра ущелья.

А затем из головной машины вышел он.

Георг ступил на землю так, словно камеры невидимых репортеров ловили каждое его движение. Он привычно оперся на свой знаменитый потертый альпеншток, чуть перенес вес с больной ноги на здоровую. Его густая серебряная шевелюра идеально растрепалась под капюшоном дорогой штормовки. Он улыбался своей фирменной, чуть усталой, покровительственной улыбкой человека, который только что укротил стихию и теперь снисходительно принимает почести простых смертных.

Из той же машины, с противоположной стороны, плавно выпорхнула Виолла. На ней был идеальный бежевый кашемировый свитер с высоким горлом – немыслимая, абсолютно непрактичная вещь для гор, которая на ней смотрелась как вызов самой природе. Она подошла к Георгу недопустимо близко для простой клиентки. Встала рядом, словно случайно коснувшись плечом его рукава. В ее взгляде, устремленном на моего мужа, безошибочно читалось сытое, уверенное собственническое право.

Мои руки в горячей воде замерли. В любой другой день, в любой другой год нашей долгой жизни эта картина заставила бы мое сердце болезненно сжаться. Я бы почувствовала укол жгучей, унижительной ревности, я бы начала суетливо вытирать руки полотенцем, выбежала бы на крыльцо, чтобы встать между ними. Я бы начала суетиться с горячим чаем, расспрашивать о его самочувствии, заискивающе заглядывать в глаза. Я бы в очередной раз начала отчаянно доказывать свою полезность.

Но сегодня внутри меня царила абсолютная, звенящая пустота. Шок прошел, уступив место холодной, как хирургический скальпель, аналитике. Обожженные наждачной бумагой костяшки пальцев, туго стянутые бактерицидными пластырями, пульсировали тупой болью, и эта боль служила отличным якорем, не дающим мне скатиться в эмоции.

Я смотрела на Георга через стекло и видела то, что годами отказывалась замечать. Я видела не великого покорителя вершин. Я видела стареющего, суетливого мужчину. Я вдруг четко заметила, как он рефлекторно стягивает живот, когда Виолла поворачивается к нему. Как он незаметно, нервным движением приглаживает редющие волосы на затылке. Как искусственно и заученно звучит его басовитый смех. Иллюзия, которую я своими же руками заботливо поддерживала сорок лет, осыпалась мелкой пылью. Магия исчезла. Передо мной стоял обычный, тщеславный человек, который до смерти боится своего возраста.

Я закрыла кран. Вытерла руки чистым вафельным полотенцем. Кухня за моей спиной жила своей безупречной жизнью, контрастируя с тем невидимым пепелищем, в которое превратился мой брак. Мощные промышленные холодильники ровно гудели, сохраняя сотни

килограммов отборных продуктов. В огромной эмалированной миске дышало и поднималось пышное тесто для блинчиков, источая теплый аромат дрожжей и ванили. Кофемашина мигала зеленым индикатором готовности. Я не забросила ни единого процесса. Моя система работала.

Скрипнула тяжелая служебная дверь. В кухню ворвался запах озона, морозного камня и мужского пота.

Георг вошел тяжело, сбрасывая с плеч штурмовой рюкзак прямо на чистый кафельный пол. Он шумно, с присвистом выдохнул, демонстрируя крайнюю степень усталости, и не глядя потянулся к крючку, чтобы повесить куртку.

- Уля, налей мне крепкого чая, ради бога. Нога просто отваливается, - бросил он с порога своим бархатным баритоном. В этом тоне не было просьбы. В нем была абсолютная, железобетонная уверенность в том, что его сейчас бросят обслуживать по высшему разряду.

Он повернулся, собираясь пройти к своему привычному месту во главе огромного дубового стола. И внезапно осекся.

Я молча наблюдала за тем, как меняется его лицо. Его взгляд наткнулся на огромное, уродливое светлое пятно первозданного дерева, зияющее посреди идеального глянцевого лака столешницы. Крови, стружки и пыли там уже не было - на рассвете я методично смахнула их влажной губкой, но глубокие, безжалостные борозды, оставленные грубым абразивом, кричали о случившемся насилии над вещью. Это был критический сбой в его идеальной матрице. В его приюте, в его идеальном, вылизанном тылу никогда ничего не ломалось без его ведома.

- Что за чертовщина со столом? - его седые брови сурово сошлись на переносице. Он подошел ближе, недоверчиво проводя пальцами по шероховатой, изуродованной древесине. - Кто это сделал? У нас через двадцать минут туристы придут завтракать!

Я стояла у кухонного острова, опираясь ноющей поясницей о столешницу, и медленно скрестила руки на груди.

- Я его зашкурила, Георг, - мой голос прозвучал ровно и сухо. Никакой театральной дрожи. Никакого надрыва. - Прошлой ночью.

Он наконец поднял глаза на меня. Его взгляд скользнул по моему бледному лицу, спустился к рукам и замер на телесного цвета пластырях, скрывавших содранную кожу на костяшках. В его глазах мелькнуло раздражение пополам с безразличным недоумением.

- Зашкурила? Ты в своем уме? Зачем портить эксклюзивную, дорогую вещь? - он поморщился, потирая ноющее колено прямо поверх походных брюк. - Уля, давай без этих твоих творческих порывов. Застели это место длинной льняной скатертью, пока никто не увидел. И кстати, почему ты вчера перед выходом группы не проконтролировала мою аптечку? Я оставил жесткий корсет и диклофенак на тумбочке у кровати! Если бы у меня ночью случился спазм на высоте, меня бы спускали на носилках! О чем ты вообще думала?

Это был его излюбленный, отточенный годами прием. Лучшая защита - это немедленное нападение. Сделать меня виноватой за то, что он сам проявил вопиющую безответственность. Заставить меня оправдываться, суетиться, чувствовать себя плохой женой.

Я не отвела взгляд. Воздух между нами стал плотным, как перед грозой.

- Корсет и ампулы не остались на тумбочке, Георг, - сказала я тихо, но так четко, что каждое слово падало на кафель тяжелой гирей. - Я собрала их в рюкзак. Я поднялась на плато сразу после того, как стемнело. И я оставила их лежать на камнях. Прямо у самого входа в палатку Виоллы Синицыной.

Георг замер. На какую-то долю секунды, микроскопическую, почти неуловимую для постороннего глаза, его лицо потеряло свой скульптурный контроль. Уголок губы нервно дрогнул. Он понял. Он не был дураком, он мгновенно сложил в голове пазл времени, места и того непреложного факта, что тонкие стенки современной силиконовой палатки не обладают никакой звукоизоляцией.

Если бы передо мной стоял глупец или инфантильный истерик, он бы начал жалко отпираться. Он бы закричал, замахал руками, начал обвинять меня в слежке или клясться, что между ними ничего не было. Но Георг был слишком умен. Он был виртуозным психологом, годами шлифовавшим свое мастерство манипуляции на моей бесконечной покорности.

Он медленно, глубоко выдохнул. Его плечи расслабились, а на лицо вернулась та самая снисходительная, бархатная полуулыбка, которая всегда парализовывала мою волю. Он переключил регистр.

- Улечка, - произнес он мягко, с нотками искреннего, глубокого сожаления, словно разговаривал с тяжелобольным пациентом. - Ну что ты себе напридумывала. Ты пошла в гору ночью? По осыпи? В твоём возрасте? У тебя же давление скачет. Ты просто надышалась разреженным воздухом на высоте, переутомилась, и твоё воображение сыграло с тобой злую шутку.

Я смотрела на него, не веря собственным ушам. Он не отрицал факт измены. Он делал вид, что моего восприятия реальности просто не существует.

- Я не ослышалась, Георг. Я удобная, предсказуемая, плоская равнина. Ты доживаешь свой скучный век со мной, а с ней ты покоряешь вершину. Твоя дикция была безупречна.

Георг поморщился, словно от внезапной зубной боли. Он сделал шаг ко мне, чуть прихлопывая ногу.

- Послушай меня внимательно. Там, на горе, совсем другая жизнь. Там адреналин, там особые условия. Виолла - наша ключевая клиентка, богатый инвестор, я должен был поддерживать с ней... определенный контакт. Это просто слова у ночного огня, игра на публику, понимаешь? Бизнес. Мужской треп ради её эго. Это ровным счетом ничего не значит.

- Это значит всё, - отрезала я.

- Уля, прекрати эту нелепую драму, - его голос стал чуть жестче, сквозь бархат прорезался холодный металл. - Тебе шестьдесят пять лет. Какой развод? Какая измена? Мы с тобой вросли друг в друга корнями намертво. На ком мне еще держать этот бизнес, как не на тебе? Ты мой тыл, ты хозяйка этого дома. Ты хочешь на старости лет стать посмешищем для всей Тумановой Пади из-за какой-то глупой женской блажи? Разрушить все, что мы строили потом и кровью сорок лет? Успокойся. Выпей валерьянки. Я приму горячий душ, и мы забудем этот разговор как страшный сон.

Он был так пугающе искренне убежден в своей правоте. В том, что я - просто полезная функция его жизнеобеспечения, которая сейчас немного сбоит, но он ее перезагрузит правильными словами, и все снова заработает как часы. Он был уверен, что я боюсь остаться одна в старости гораздо больше, чем боюсь быть растоптанной и униженной.

Георг подошел вплотную. От него пахло дорогим парфюмом, едким дымом костра и мокрой шерстью. Он медленно поднял свою большую, сильную руку с узловатыми пальцами альпиниста, чтобы привычным, снисходительно-хозяйским жестом положить ее мне на плечо. Чтобы прижать меня к себе, поцеловать в макушку и окончательно погасить этот «бунт на корабле», как он делал это десятки раз до этого.

В этот момент время вокруг нас словно загустело. Я видела, как опускается его ладонь, и мое уставшее тело на долю секунды вспомнило старый, въевшийся рефлекс - податься навстречу, прижаться щекой к грубой мембранной ткани его куртки, закрыть глаза на правду и позволить ему убаюкать меня сладкой, спасительной ложью. Потому что так было проще. Потому что так было безопасно.

Но я вспомнила отвратительный, агрессивный звук грубой наждачной бумаги, сдирающей лак до живого дерева.

Я не стала кричать на всю кухню. Я не ударила его по руке. Я просто сделала один короткий, абсолютно спокойный шаг назад.

Тяжелая рука Георга с размаху упала в пустоту. Он удивленно моргнул, словно не поверив своим глазам. Его пальцы рефлекторно сжались в воздухе, пытаясь ухватить то невидимое подчинение, которое ему больше не принадлежало.

- Не смей меня трогать, - мой голос прозвучал тише обычного, но в нем была плотность монолитного бетона. - Моя воображаемая возрастная хандра подает на развод. Твои вещи из нашей спальни я соберу к вечеру в черные пластиковые мешки и оставлю в коридоре. Если хочешь, попроси Виолу их разобрать по шкафам. У нее наверняка отлично получается ухаживать за старыми артефактами.

Лицо Георга мгновенно пошло неровными красными пятнами. Маска усталой снисходительности дала глубокую трещину. Он резко открыл рот, чтобы сказать что-то злое, чтобы включить гнев - свою тяжелую, подавляющую артиллерию, но я не дала ему этой возможности. Я повернулась к нему спиной, полностью и безоговорочно игнорируя его присутствие.

Взяв с кухонного острова глубокую эмалированную миску, я переставила ее ближе к профессиональной плите и потянулась за металлическим половником.

- Тесто для блинчиков подошло, - сказала я, методично поворачивая ручку конфорки под тяжелой чугунной сковородой. - Иди и скажи своим гостям, что завтрак будет подан ровно через двадцать минут. А юристу я позвоню в понедельник утром.

Я физически слышала его прерывистое, тяжелое дыхание у себя за спиной. Я знала, что он стоит посреди кухни, растерянный, злой, совершенно не понимающий, как работает этот новый алгоритм. Он ждал, что я повернусь. Что я заплачу. Что я начну швырять тарелки в стену, давая ему повод назвать меня сумасшедшей. Но я лишь добавила каплю подсолнечного масла на раскаленный металл. Масло недовольно зашипело.

Тяжелые шаги Георга раздались за спиной. Он резко развернулся и быстро вышел из кухни, громко, с отчетливым треском хлопнув за собой дверью.

Я осталась одна. Медленно вдохнула полной грудью сладковатый запах жарящегося теста. Мои израненные руки больше не дрожали. Выпрямив уставшую спину, я зачерпнула первую порцию густой массы и вылила ее на сковороду. День только начинался.

Глава 4. Слепое пятно (Георг)

от лица Георга

Дверная ручка под моими пальцами еще мелко вибрировала. Я отпустил холодный металл, сделал глубокий вдох и медленно выдохнул через нос, как всегда делал на сложных участках восхождения, чтобы выровнять зашедшийся пульс.

Какая дешевая, нелепая театральщина.

В коридоре служебного крыла пахло озоном и старым деревом, а с кухни доносилось ритмичное шипение масла на раскаленном чугуне. Я прислушался к этому звуку и криво, безрадостно усмехнулся. Будь Ульяна действительно готова сжечь мосты, она бы била посуду. Она бы кричала на весь дом, собирала чемоданы или звонила сыну в слезах. Но она стояла у плиты и пекла блинчики для моих туристов. Система работала. А слова про развод... что ж, у всех женщин в ее возрасте случаются приступы внезапной, иррациональной паники перед подступающей старостью. Гормональные качели, помноженные на гипоксию после ночного маршброска. Надышалась разреженным воздухом, накрутила себя, сделала из мухи слона.

Я не стал задерживаться под дверью. Поднялся по деревянной лестнице в нашу спальню, машинально отмечая, как противно и сухо шелкает правый коленный сустав при каждом переносе веса. Тело требовало немедленного обслуживания.

В комнате царил привычный, идеальный порядок. Я прошел к шкафу, открыл тяжелую створку. Мой гардероб всегда был рассортирован по сезонам и цветам. Я достал свежую фланелевую рубашку в крупную синюю клетку - она отлично подчеркивала цвет глаз - и чистые, темно-серые трекинговые брюки. Никакой паники, никакой суеты. Я прекрасно знал, как устроена моя жизнь, потому что сам же ее и спроектировал. Ульяна была лишь исполнителем, надежным механизмом, который сейчас просто выдал локальный программный сбой.

В ванной комнате я включил горячую воду. Дождался, пока зеркало слегка запотеет по краям, скрывая мелкую сетку морщин у глаз, и встал под тугую струю. Вода обжигала, смывая пот, запах костра и въевшийся в поры запах силиконовой ткани палатки Виоллы.

Выйдя из душа, я открыл навесной шкафчик над раковиной. Моя домашняя аптечка стояла на второй полке, ровно там, где и должна быть. Я достал запасной тюбик густой согревающей мази и начал методично, с нажимом втирать ее в ноющее колено. Резкий, аптечный запах камфоры и ментола мгновенно ударил в нос, перебивая аромат дорогого геля для душа.

В голове назойливо крутились недавние слова жены на кухне. Значит, она действительно поднималась ночью на плато. Оставила корсет и лекарства прямо в тамбуре палатки Виоллы. Я нахмурился, втирая мазь в сустав. Как я мог не заметить их утром? Ответ пришел почти сразу. Я пробирался из палатки любовницы обратно к себе еще до рассвета, в густых, черных сумерках, чтобы никто из туристов не застукал меня. Выходил торопливо, вслепую, и, видимо, просто перешагнул через брошенный ею на коврик фланелевый сверток. А позже молодые инструкторы сворачивали лагерь и не глядя закинули все найденное в тамбуре в общие транспортные баулы со снаряжением.

Черт. Какая нелепая, досадная оплошность.

Я выдавил из запасного блистера две таблетки диклофенака и запил их водой прямо из-под крана. Ничего страшного. Эта оплошность глобально ничего не меняет.

Глядя на свое отражение в зеркале, я провел ладонью по влажным серебристым волосам, зачесывая их назад. Крепкая челюсть, прямой нос, загорелая кожа. Я все еще был в отличной форме. Мужчина в расцвете своей зрелости. Легенда Тумановой Пади. И Ульяна прекрасно это понимала. Она просто ревновала. Банально, по-бабски ревновала к тому, что я все еще вызываю восхищение у молодых женщин, в то время как ее собственная жизнь давно сузилась до размеров кухонной плиты и деревянных фигурок в мастерской.

Надев чистую одежду, я спустился на первый этаж, в столовую зону. До завтрака оставалось около десяти минут. Туристы уже начали выходить из своих номеров, собираясь у камина, предвкушая сытную еду и мои утренние байки.

Я подошел к своему месту во главе огромного дубового стола. И тут же почувствовал, как мышцы челюсти непроизвольно сжались от глухого раздражения.

Огромное, уродливое белесое пятно, зияющее прямо по центру лакированной столешницы, выглядело как открытая рана. Ульяна не просто прошлась по лаку наждачкой. Она драла древесину с яростью обезумевшего вандала, оставив глубокие, рваные борозды, которые теперь цепляли взгляд. Этот стол стоил как подержанный автомобиль. Это была моя сцена, мой пьедестал.

- Какая глупость, - пробормотал я сквозь зубы.

Подойти к туристам и сделать вид, что ничего не произошло, было невозможно. Застилать это место дешевой клеенкой - значит расписаться в бытовой катастрофе перед VIP-клиентами. Но у меня всегда был запасной план.

Я быстро прошел в свой кабинет под лестницей. Выдвинул верхний ящик стола и достал большую, подробную топографическую карту ледника Каменного Стража, напечатанную на плотной, матовой бумаге. Прихватив тяжелый латунный компас в кожаном чехле, я вернулся в столовую.

Аккуратно, выверяя каждый миллиметр, я расстелил карту прямо поверх изуродованного куска древесины. Прижал один край компасом, а на другой поставил пустую кофейную кружку. Получилась идеальная, брутальная композиция. Будто я, опытный проводник, еще с ночи планирую новые маршруты для своих гостей. Никто не догадается, что под красивой картинкой скрывается изувеченная фактура дерева. Фасад был восстановлен за две минуты. Проблема надежно спрятана.

Из-за кухонной двери снова донеслось громкое шкварчание и тягучий, уютный аромат ванили. Я глубоко вдохнул. Женщина, которая действительно собирается подавать на развод, не отмеряет пропорции для идеального блинного теста. Я успокоился окончательно. Надо просто дать ей выпустить пар, а вечером, когда гости разойдутся по номерам, я спущусь в подвал, достану из запасов бутылку того сладкого сливочного ликера, который она так любит, и мы закроем эту тему.

- Доброе утро, Георг.

Голос прозвучал сбоку, со стороны деревянной лестницы. Я обернулся и мгновенно включил свою дежурную, бархатную полуулыбку.

Виолла спускалась по ступеням с грацией сытой, довольной хищницы. На ней был тот самый бежевый кашемировый свитер с высоким воротником, который она носила вчера. Ни капли косметики, только идеальная, сияющая после дорогого ухода кожа и тщательно уложенная небрежность в волосах. Она выглядела не как туристка, спустившаяся с трудного горного маршрута, а как владелица этой жизни.

- Прекрасное утро, Виолла, - я шагнул ей навстречу. - Как спалось после спуска? Мышцы не ноют?

- Спалось восхитительно, - она остановилась на нижней ступеньке, оказавшись почти вровень с моим лицом. - В твоём лагере потрясающая звукоизоляция, Георг. Даже ветер не мешал.

Ее взгляд скользнул по моему лицу с откровенным, собственническим интересом. Я почувствовал привычный укол адреналина. Рядом с ней я забывал про свое больное колено. Рядом с ней я снова был тем тридцатилетним инструктором, который мог затащить на вершину кого угодно.

- Выйдем на террасу на пару минут? - предложил я, указав на стеклянную дверь. - Там отличный утренний воздух. Кофе сейчас подадут.

Она кивнула. Мы вышли на открытую деревянную террасу. Воздух здесь был колючим, пропитанным запахом сосновой смолы и влажного камня. Я встал рядом с ней, опершись бедром о перила, и чуть сократил дистанцию. Запах ее тяжелого, древесно-ванильного парфюма смешался с морозным ветром.

- Знаешь, вчерашняя ночь на плато... - я понизил голос до того самого глубокого регистра, который обычно безотказно действовал на клиенток. - В ней было что-то по-настоящему первобытное. Ты удивительная женщина, Виолла. Горы не принимают случайных людей, но перед тобой они словно расступились.

Я поднял руку, намереваясь легким, почти случайным жестом коснуться ее предплечья. Но Виолла вдруг чуть отстранилась, поправляя воротник свитера. Движение было плавным, элегантным, но оно четко обозначило границу.

- Это была отличная ночь, Георг. Очень... атмосферная, - она улыбнулась, но в ее глазах не было той влажной поволоки, которую я ожидал увидеть. Там был холодный, математический расчет. - Но давай вернемся к реальности. Я думала о тех северных маршрутах, которые ты показывал мне на планшете.

Я едва заметно опустил руку обратно в карман брюк, подавив секундную растерянность.

- О маршрутах?

- Да. Если мы запускаем эксклюзивные ретрит-туры для моих клиенток из Москвы, мне нужна полная смета, - ее голос стал деловым и сухим, словно мы сидели в стеклянном офисе столичного бизнес-центра, а не стояли на фоне заснеженных пиков. - Мне нужно понимать стоимость вертолетной заброски, амортизацию снаряжения и твой личный процент как главного гида. Моя аудитория платит за безопасность и легенду. Легенда у тебя есть, это факт. Но оборудование в базовом лагере старовато. Те палатки-полусферы надо списывать.

Меня неприятно царапнул ее тон. Она не смотрела на меня снизу вверх. Она проводила аудит. В моей системе координат женщина должна была млеть от одного звука моего голоса, а инвестиции и деньги обсуждались как бы невзначай, как дополнение к моему статусу. Но Виолла ломала этот привычный сценарий. Для нее я был не божеством, а просто качественным активом. Статусным, с хорошей историей, но все же активом.

- Палатки отлично справляются с ветровой нагрузкой, - мягко, но с легким нажимом возразил я. - Я хожу в горы сорок лет, Виолла. Я знаю, как обеспечить безопасность.

- Сорок лет - это прекрасная цифра для рекламного буклета, - она легко рассмеялась, глядя прямо мне в глаза. - Но для инвестора важны современные технологии. Подготовь цифры к обеду, ладно? Мы же с тобой партнеры, Георг. И в бизнесе, и на высоте.

В ее последней фразе прозвучало недвусмысленное обещание, которое мгновенно сгладило острые углы. Я расслабился. Пусть играет в жесткого босса, если ей так нравится. Суть не меняется. Ее деньги позволят мне обновить снаряжение и пустить пыль в глаза конкурентам, а ее присутствие в моей постели льстит моему мужскому эго. Это взаимовыгодный обмен.

- Цифры будут готовы, - я кивнул, возвращая на лицо маску великодушного покровителя. - Сделаю все в лучшем виде.

- Чудно, - Виолла зябко поежилась и обхватила себя руками. - Пойду внутрь. Запах с кухни просто сумасшедший. Твоя жена потрясающе готовит. Вчерашний окорок был безупречным. Надеюсь, блинчики будут не хуже.

Она развернулась и пошла к стеклянной двери, цокая мягкими замшевыми ботинками по доскам террасы. Я остался стоять на холоде, провожая ее взглядом.

Сквозь широкое панорамное окно кухни было отлично видно все, что происходило внутри. Я прищурился, отгораживаясь от яркого утреннего солнца.

Там, за стеклом, Ульяна снимала с огня тяжелую чугунную сковороду. В своей простой льняной рубашке и рабочем фартуке, с гладко зачесанными сидящими волосами, она выгля-

дела такой... обычной. Привычной. Как старые, растоптанные домашние тапочки, которые не выкидывают просто потому, что они идеально приняли форму твоей ноги.

Я наблюдал, как она методично протирает столешницу влажной губкой. Как расставляет по подносу креманки с брусничным вареньем. Каждое ее движение было выверено десятилетиями.

В моей голове сложилась абсолютно ясная, кристально чистая картина моего мира. Никаких противоречий в ней не было.

Ульяна - это фундамент. Это равнина. Скучная, предсказуемая, плоская земля, на которой стоит мой дом. Земля, которая кормит меня, стирает мои рубашки, ведет бухгалтерию и создает тот самый уют, за которым едут туристы. Да, сейчас она взбрыкнула. Поцарапала стол, наговорила глупостей про развод. Но равнина никуда не может уйти из-под ног. Она просто не способна на это. Куда она пойдет со своими деревяшками? Кому нужна пожилая женщина без связей и статуса?

А Виолла - это мой кислородный баллон для высотных восхождений. Это адреналин, инвестиции, подтверждение моей мужской силы. Это вершина, на которой холодно жить, но на которую чертовски приятно взбираться, чтобы потом, уставшим и довольным, спуститься обратно в теплый дом.

Они обе были мне нужны. Обе выполняли свои функции в моей безупречно выстроенной вселенной. И я полностью, абсолютно контролировал эту ситуацию. Нужно просто проявить немного снисходительности к одной и чуть больше деловой хватки с другой.

Я похлопал себя по карману брюк, где лежал телефон, развернулся и решительным шагом направился в свой кабинет. Нужно было составить эту чертову смету на новые палатки до обеда, чтобы Виолла поняла, что имеет дело с профессионалом.

Глава 5. Кашемир и блинчики

Горячее тесто не терпит суеты и дрожащих рук. Какими бы руинами ни казалась твоя собственная жизнь, какими бы безжалостными ни были слова, услышанные ночью у чужой палатки, первый утренний блинчик должен получиться безупречным. Иначе тяжелая чугунная сковорода перекалится, сливочное масло начнет чадить, и вся партия пойдет насмарку. Это непреложный закон физики и кулинарии, и он работает независимо от того, мертв твой брак или нет.

Я стояла у профессиональной плиты, методично поворачивая сковороду за длинную ручку, чтобы жидкое ванильное тесто равномерно растеклось по горячему пористому металлу. Огромная кухня уже наполнилась тем самым густым, обволакивающим запахом домашнего уюта, за который наши состоятельные постояльцы платили двойной тариф. Моя спина глухо ныла после ночного марш-броска по каменной осыпи, стертые о грубую наждачную бумагу костяшки пальцев пульсировали под бактерицидными пластырями, но тело продолжало работать в режиме идеально отлаженного, бесперебойного механизма. Мой профессионализм долгие годы был фундаментом для чужого величия, а сегодня он стал моей единственной личной броней.

Сквозь широкое раздаточное окно, соединяющее кухню со столовой зоной, мне было отлично видно все, что происходило в зале. Мой взгляд скользнул по огромному дубовому столу, и я едва заметно усмехнулась. Георг уже успел замаскировать следы моего ночного бунта. Поверх глубоких, рваных борозд, оставленных абразивом на светлой древесине, лежала плотная топографическая карта ледника. Один ее край был прижат тяжелым латунным компасом, другой - кофейной кружкой. Брутальная, выверенная композиция для зрителей. Идеальная метафора всей нашей сорокалетней совместной жизни: спешно спрятать гниль, усталость и разрушение под красивой, романтической оберткой.

Из-за стеклянных дверей террасы в столовую плавно вошла Виолла. На ней был тот самый бежевый кашемировый свитер с высоким воротником, который так нелепо смотрелся в суровых горах, но так громко кричал о статусе своей владелицы. Женщина двигалась с грацией сытой, расслабленной кошки, уверенной в своей абсолютной неприкосновенности. Она окинула взглядом зал и уверенным шагом направилась прямо к моему раздаточному окну.

- Доброе утро, Ульяна, - произнесла она грудным, мурлыкающим голосом, изящно облокотившись о деревянную стойку. От нее пахло озоном, утренним морозом и тяжелым, дорогим парфюмом с нотами сандала. - Запах просто сумасшедший. Георг говорил, что вы творите настоящие чудеса на кухне. Можно мне порцию? И, если не сложно, побольше того брусничного джема, который был вчера на ужине. У него потрясающая кислинка.

В глупом женском романе обманутая жена моего возраста в этот момент обязательно бы сорвалась. Она бы швырнула раскаленную сковороду в раковину, плеснула бы горячим кофе на этот безупречный бежевый кашемир, начала бы кричать на весь гостевой дом о предательстве, превращаясь в истеричную, жалкую старуху. Но мне шестьдесят пять лет. Я слишком долго и тяжело работала руками, чтобы разбрасываться качественной едой, и слишком хорошо знала цену собственному достоинству.

Я взяла с верхней полки чистую белую фарфоровую тарелку. Спокойными, выверенными движениями силиконовой лопатки переложила на нее три горячих, кружевных блинчика. Зачерпнула из сотейника густой рубиновый джем и аккуратно, тонкой струйкой полила край выпечки, создавая идеальный ресторанный рисунок.

- Ваш завтрак, Виолла, - я поставила тарелку на деревянную стойку раздачи.

Я смотрела прямо в ее красивые, ухоженные лицо. В моем взгляде не было ни яда, ни затаенной женской злобы, ни слез. Только абсолютно ледяная, звенящая, отстраненная

пустота. Я смотрела на нее не как на всесильную разлучницу, разрушившую мою жизнь, а просто как на очередную бессмысленную вершину Георга. На кусок холодного камня, о который он рано или поздно сломает себе шею. От этого абсолютного, пугающего равнодушия Виолле на микросекунду стало некомфортно. Ее идеальная улыбка дрогнула. Она явно ждала суетливого заискивания прислуги или скрытой вражды обманутой жены, с которой можно было бы поиграть в превосходство. Но она столкнулась с монолитной бетонной стеной. Виолла коротко кивнула, забрала горячую тарелку и поспешно отошла к столику у камина.

В зал начали спускаться остальные туристы. Загудели голоса, зазвенели вилки о фарфор. Я продолжала методично выдавать порции, пока не убедилась, что каждый гость получил свой завтрак. Сложная гастрономическая система, выстроенная мной за десятилетия, работала безупречно в свой самый последний раз.

Дверь кабинета под лестницей открылась, и оттуда вышел Георг. В свежей синей фланелевой рубашке, с планшетом в руке, он подошел к зоне самообслуживания у кофемашины. Нажав кнопку эспresso, он шагнул к моему раздаточному окну и чуть наклонился вперед.

- Уля, у третьей группы в номерах не хватает свежих больших полотенец, - бросил он своим фирменным, мягким баритоном, словно не было нашего утреннего разговора о разводе. - И проверь бойлер на втором этаже, кто-то жаловался на слабый напор горячей воды. Посуду лучше загрузить в машинку пораньше, у нас сегодня плотный график лекций.

Я посмотрела на него. Затем молча закрыла кран над глубокой металлической раковиной. Взяла чистое вафельное полотенце и насухо вытерла руки, осторожно обходя болезненные участки под пластырями. Затем я сделала то, чего не делала ни разу за сорок лет посреди утреннего обслуживания. Я завела руки за спину. Мои пальцы нащупали тугой узел широкого льняного фартука на поясице. Я потянула за концы тесемок.

Плотная ткань с тихим шелестом скользнула по моей рабочей рубашке. Я сняла фартук, аккуратно, край к краю, сложила его в ровный прямоугольник и положила на блестящую стальную поверхность кухонного острова.

- Ты куда собралась? - седые брови Георга сурово сошлись на переносице. Он непонимающе окинул взглядом сложенный фартук. - У нас полный дом людей. Кто будет мыть столовую?

- Моя смена окончена, Георг. Навсегда, - мой голос прозвучал так же ровно и тихо, как гудение холодильников за моей спиной. - Сорок лет я закрывала твои тылы, стирала твоё белье, готовила для твоих гостей и молчала. Мой лимит полностью исчерпан. Дальше - сам. И с полотенцами, и с бойлером, и с грязными тарелками. Приятного аппетита.

Я развернулась и вышла с кухни через боковую дверь, ведущую на черную лестницу служебного крыла. Затылком я физически чувствовала растерянный, потяжелевший взгляд мужа, который так и остался стоять с горячей кружкой кофе у опустевшего раздаточного окна.

Поднявшись в нашу спальню на втором этаже, я достала из-под широкой кровати свой старый, но надежный дорожный чемодан на полиуретановых колесиках. Мой мозг работал четко, оценивая жесткие условия новой реальности. Мастерская-пристройка, в которую я решила переехать, не была подключена к центральному отоплению нашего огромного дома. Там стояла лишь небольшая дровяная печь да старый масляный радиатор.

Я открыла створку дубового шкафа и начала вдумчиво выбирать одежду для выживания. Плотные шерстяные свитеры крупной вязки, удобные флисовые брюки, несколько комплектов качественного туристического термобелья, толстые носки. Дорогие платья из плотного шелка, кашемировые кардиганы и элегантные костюмы, которые Георг заставлял меня покупать для статусных ужинов с инвесторами, остались висеть на плечиках. Этот дорогой, накрахмаленный гардероб принадлежал жене великого альпиниста Строганова, а этой женщины больше не существовало. Мне нужны были вещи, в которых тепло и удобно работать с деревом.

На самое дно чемодана я бережно уложила свою главную ценность - плотную кожаную скрутку. В ней хранились мои рабочие инструменты: узкие стамески, штихели разного

калибра, острые японские ножи для тонкой резьбы и деревянные лекала. Это был мой личный капитал, моя независимость, моя персональная магия, которую муж всегда снисходительно считал лишь милой старческой придурью. Застегнув тугую молнию на чемодане, я сняла с крючка свою темно-синюю мембранную куртку, надела ее, подхватила вещи и вышла из комнаты.

Георг ждал меня внизу, в холодном тамбуре служебного выхода на задний двор. Он успел где-то оставить свой кофе и теперь перегораживал мне путь к уличной двери. На его красивом лице больше не было вальяжной маски хозяина жизни - там отчетливо читался испуг, смешанный с глухим, нарастающим раздражением. До него наконец начало доходить, что это не истерика, а методичное, хладнокровное разрушение его удобной системы жизнеобеспечения.

- Уля, не сходи с ума, - зашипел он, инстинктивно понижая голос, чтобы нас не услышали туристы в зале. - Ты пойдешь жить в этот холодный сарай? Что подумают наши гости? Что скажет Лидия и весь поселок, когда узнает, что моя жена переехала в неотапливаемый дровяник?

Я остановилась в метре от него, крепко сжимая пластиковую ручку чемодана.

- Поселок скажет, что великий горный орел Георг Строганов теперь сам драит унитазы и чистит картошку в своем приюте, - ответила я, глядя прямо в его бегающие глаза. - Мне плевать на твои красивые декорации. И на мнение Лидии мне тоже плевать. Твоя удобная равнина навсегда ушла из-под твоих ног. Посмотрим, долго ли продержится твой великий бизнес на одних красивых байках. Дай пройти.

Он инстинктивно сделал шаг в сторону. В нем просто не было мужской силы остановить женщину, которая больше не испытывала перед ним ни благоговения, ни вины. Я толкнула тяжелую металлическую дверь и вышла на улицу.

Воздух был обжигающе морозным, он приятно остудил мое разгоряченное лицо. Мелкий гравий сухо и ритмично хрустел под колесиками чемодана. Я пересекла внутренний двор и подошла к пристройке. Достала из кармана куртки ключ, вставила в массивный навесной замок. Стальная дужка поддавалась со знакомым, тяжелым щелчком.

Внутри моей мастерской было выморожено за ночь. Из рта при каждом выдохе вырывались облачка пара. Но здесь пахло моим настоящим домом. Запах пролитого на доски льняного масла, едкой спиртовой морилки, сухой кедровой стружки и терпкого можжевельника мгновенно выровнял мой зашедшийся пульс.

Я не стала садиться на узкую жесткую кровать в углу и упиваться жалостью к себе. Одиночество требует дисциплины. Первым делом я воткнула толстую вилку старого масляного радиатора в розетку и повернула тумблер на максимум. Реле внутри глухо лязгнуло, возвещая о том, что ток пошел по медным спиральям.

Затем я подошла к широкому столярному верстаку у заиндеветшего окна. Положила на него свою кожаную скрутку и медленно, наслаждаясь каждым движением, развязала толстый шнурок. Развернула мягкий материал. Инструменты лежали в своих кармашках, тускло поблескивая холодной сталью.

Я вытащила самую любимую, узкую стамеску с потертой кедровой ручкой. Достала из нижнего ящика тяжелый двусторонний точильный камень. Капнула на пористую поверхность немного технического масла. Села на деревянный табурет, выпрямила уставшую спину и плотно прижала скошенный край лезвия к абразиву.

Вжик-вжик.

Ритмичный, сухой, бесконечно правильный звук качественного металла, снимающего с себя все лишнее и мертвое, заполнил стильное пространство мастерской. В большом гостевом доме сейчас, должно быть, начиналась паника из-за невымытой посуды и холодных бойлеров. А здесь, под гипнотический звук точащегося лезвия, наступал абсолютный, математический, спасительный порядок.

Глава 6. Обрушение системы

Мореный дуб не прощает суеты. Это мертвая, реликтовая древесина, пролежавшая тысячи лет на дне торфяных болот. Она лишена кислорода, окаменела в черной воде и теперь сопротивляется стальному лезвию с глухой, вязкой яростью. Чтобы снять с такого куска даже тончайшую стружку, недостаточно просто иметь острый инструмент. Нужна физическая сила, жесткая фиксация кисти и абсолютная, звенящая концентрация.

Я сидела за тяжелым верстаком в своей холодной пристройке, методично загоняя скошенный край японского штихеля в неподатливую заготовку. На мне был толстый шерстяной свитер крупной вязки и плотные походные брюки на флисе. Старый масляный радиатор в углу тихо щелкал реле, пытаясь прогреть стылый воздух мастерской, но от дощатого пола все равно тянуло уверенным ледяным сквозняком.

Мои руки горели. Костяшки пальцев, стертые до мяса прошлой ночью и туго стянутые бактерицидными пластырями, пульсировали ослепительной болью при каждом нажиме на деревянную рукоять. Кровь тяжело стучала под пластырем, но я не останавливалась. Эта резкая, понятная физическая боль была мне необходима. Она работала как идеальный громоотвод, оттягивая на себя всю ту ядовитую, разъедающую горечь, которая осталась во мне после утреннего разговора с мужем.

Кедр, из которого я всю жизнь резала гладкие, теплые обереги для Георга, всегда уступал рукам. Он был покорным и мягким. Дуб же требовал бескомпромиссной борьбы. Я вырезала Черную Королеву для своего нового набора шахмат. В ней не было ни капли привычной сглаженности или домашнего уюта. Острые, рубленые грани, тяжелое, монолитное основание, глухой угольный цвет. Дерево безропотно вбирало в себя мою выкристаллизовавшуюся злость, позволяя мне не тратить ее на бессмысленные крики, битье посуды или слезы в подушку.

Около двух часов дня сквозь гул радиатора и монотонный скрежет металла по дереву пробился тяжелый, рокошущий звук дизельного двигателя. Машина заехала на задний двор гостевого дома, и под ее колесами сухо захрустел гравий. Я знала этот звук наизусть. Приехал Михалыч - местный фермер из соседнего района. Каждую среду он привозил нам свежую мраморную говядину, фермерскую птицу и крафтовые сыры для VIP-групп. Михалыч был человеком старой, кражистой закалки. Он категорически не признавал банковских переводов, онлайн-касс и работал исключительно за наличные расчеты по факту отгрузки товара.

Снаружи тяжело хлопнула металлическая дверца кабины. Послышались приглушенные мужские голоса. Я сделала очередной сильный срез, до скрипа стиснув зубы от вспышки боли в кисти, и проследила, как на верстак падает темная, жесткая щепка.

Голоса на улице стали громче. Бархатный баритон Георга зазвучал с отчетливыми нотками суетливого недовольства, Михалыч отвечал ему басом - упрямо и непреклонно. Затем шаги моего мужа, грузные и быстрые, закрипели по доскам, ведущим к моей пристройке.

Тяжелая рука легла на металлическую ручку двери. Замок сухо лязгнул, не поддаваясь - я заперлась изнутри на массивный стальной засов сразу, как только вошла сюда утром.

- Уля! - голос Георга прозвучал глухо через плотную древесину. В нем не было паники, раскаяния или попытки извиниться за вчерашнее. Там было только властное, хозяйское раздражение человека, которому внезапно перестала повиноваться привычная бытовая техника. - Прекращай этот цирк. Выйди на минуту. Михалыч привез мясо, а я не могу открыть нижний сейф в кабинете, чтобы расплатиться. Замок сбросился, или ты его перепрограммировала?

Я отложила штихель на стол. Взяла мягкую беличью кисть и неспешно смахнула черную древесную пыль с граней Черной Королевы. Мой пульс оставался удивительно ровным. Георг не был глупцом. Он прекрасно знал, где лежат операционные деньги нашего бизнеса. Он про-

сто никогда не обременял себя такими мелочами, как цифры, пароли и накладные, годами перекладывая весь невидимый, не статусный труд на свой "безотказный тыл".

Я подошла к двери вплотную, но не стала отодвигать задвижку.

- Я ничего не перепрограммировала, Георг, - сказала я ровно, не повышая голоса. Мой тон был деловым и сухим. - Код остался прежним. Это день и месяц моего рождения. Введи четыре цифры, и замок откроется.

За деревянной дверью повисла тяжелая, густая пауза. Я физически ощущала, как работает его мозг, как он лихорадочно перебирает в уме даты, пытаюсь нащупать нужную комбинацию. Но там было пусто. Слепое пятно. За сорок лет брака он дарил мне роскошные букеты роз ровно в те моменты, когда это могли увидеть гости или нужные партнеры, и ровно в те дни, когда об этом ему напоминал электронный календарь в телефоне, который я же ему и настраивала.

- Уля, прекрати надо мной издеваться, - зашипел он сквозь зубы, явно оглядываясь через плечо, чтобы его не услышал стоящий у машины фермер. - У меня люди ждут. Скажи цифры!

- День и месяц, - спокойно повторила я, возвращаясь к своему деревянному табурету. - Попробуй вспомнить. Ты же вчера так красиво рассказывал, что мы росли друг в друга корнями.

Шаги за дверью нервно переступили на месте и стихли. Георг ушел. Его раздутое мужское эго просто не позволило ему стоять перед закрытой дверью и унижительно, как школьнику, угадывать даты на глазах у постороннего мужика. Через пять минут я услышала, как снова хлопнула дверца грузовика, и дизельный двигатель взревел с новой силой. Машина фермера, тяжело разворачиваясь на узком дворе, уехала. Наш приют остался без премиального мяса на ближайшую неделю. Идеальный, гляцевый фасад великого альпиниста дал первую, неизбежную трещину. Сложный бизнес не может долго ехать на одних красивых легендах у вечернего костра.

К четырем часам дня воздух в мастерской стал тяжелым от терпкого запаха спиртовой морилки, которой я пропитывала готовые детали. Я встала, чтобы размять затекшую поясницу, подошла к небольшому окну и приоткрыла узкую форточку. В помещение мгновенно ворвался обжигающе морозный горный воздух.

Мое окно выходило прямо на заднее крыльцо кухонного блока. Там, зябко ежась от холода в тонкой флисовой кофте, стояла Ксения - тридцатилетняя жена одного из молодых инструкторов Георга. Она судорожно курила тонкую сигарету, то и дело с паникой оглядываясь на кухонную дверь. Лицо девушки пошло красными пятнами, в глазах стояли слезы.

Из мощного раструба кухонной вытяжки, выведенного на крышу, валил плотный сизый дым. Пахло горелым жиром, перекаленным маслом и безнадежно испорченным мясом.

Все было предельно ясно. Потеряв меня как шеф-повара и администратора, Георг не придумал ничего лучше, чем бросить на амбразуру молодую Ксению, которая обычно только помогала мне нарезать овощи и мыть полы в столовой. Но проблема заключалась не в том, чтобы просто сварить макароны. Для эксклюзивных туров мы использовали немецкий промышленный пароконвектомат, стоявший как чугунный мост. Чтобы запечь в нем идеальный ростбиф с корочкой или приготовить нежную форель на пару, нужно было знать десятки режимов, выставлять уровни влажности, конвекции и температуры с точностью до градуса. Я училась этому сутками, читая толстые инструкции по ночам, испортив не один кусок дорогой вырезки, прежде чем довела навык до автоматизма.

Ксения умела жарить отличные домашние котлеты на сковороде, но перед умной, безжалостной техникой она была бессильна. Премиальный ужин, за который клиенты заплатили огромные деньги, прямо сейчас превращался в угли в раскаленной камере.

Я смотрела на испуганную, мечущуюся девчонку и внезапно почувствовала мерзкий, тянущий укол привычной вины. Старый, выдрессированный десятилетиями рефлекс "хорошей

жены" требовал немедленно накинуть куртку, побежать на кухню, перехватить у нее раскаленные противни, спасти продукты, спасти репутацию дома, спасти лицо Георга перед гостями. Я даже сделала неосознанный шаг в сторону двери.

А затем остановилась. Опустила взгляд на свои изуродованные, заклеенные пластырями руки. Сделала глубокий вдох морозного воздуха и плотно закрыла форточку, наглухо отсекая от себя запах чужой гари.

Я никому ничего не должна. Моя вахта официально окончена. Я вернулась к верстаку и снова взяла в руки резец. Если Георг так уверенно продает туристам миф о своем великом гостеприимстве и контроле над стихией, пусть теперь сам стоит у дымящегося пароконвектомата и укрощает его.

Сумерки спустились на ущелье стремительно, как это всегда бывает поздней осенью в горах. Небо за окном из графитового стало абсолютно черным. Гости вернулись с дневного акклиматизационного выхода на ледник. Сквозь дощатые стены моей пристройки начали доноситься приглушенные звуки ожившего дома: хлопанье тяжелых входных дверей, топот треккингových ботинок в коридоре, гул уставших голосов.

Я заканчивала полировать массивное основание Черной Королевы, когда с открытой деревянной террасы гостевого дома раздалась громкие голоса. Акустика в нашем ущелье была такой, что в безветренную морозную погоду звук летел идеально чисто, как в театральном зале.

- Георг, это уже совершенно не смешно, - голос Виоллы разрезал вечернюю тишину. В нем больше не было той мурлыкающей, грудной поволоки и восхищения, с которыми она смотрела на него утром. Теперь это был жесткий, сухой тон московской владелицы бизнеса, привыкшей получать заявленный сервис. - Я провела на ледяном ветру пять часов. Я замерзла до костей и хочу нормальный, горячий душ. А из крана в моем номере течет ледяная вода!

Бойлер. Тот самый водонагреватель на втором этаже, о котором муж высокомерно приказал мне позаботиться еще во время завтрака. В системе часто скапливалась воздушная пробка, особенно когда сразу несколько человек открывали краны на полную мощность. Ее нужно было просто стравить через хитрый боковой клапан в подсобке. Простая процедура, если знать, где находится нужный вентиль.

- Виолла, девочка моя, - бархатный баритон мужа попытался включить привычную, обволакивающую магию. Он заговорил снисходительно, словно успокаивал не в меру капризного ребенка. - Это горы. У нас сложная логистика, здесь случаются перебои с давлением. Настоящие альпинисты всегда готовы к суровой романтике...

- Оставь эти сказки для восторженных новичков у костра, - ледяным тоном перебила его Виолла.

Иллюзия их возвышенного горного романа с треском разбивалась о банальную физиологию и бытовую неустроенность.

- Я плачу за этот эксклюзивный тур сотни тысяч не для того, чтобы мыть голову в ледяной воде и нюхать горелое мясо с твоей кухни! Вызови мастера. Прямо сейчас. Иначе я завтра же оформлю полный возврат средств за всю свою группу за несоблюдение условий договора.

Георг что-то неразборчиво и суетливо забормотал в ответ, отчаянно пытаясь сгладить острые углы. Его легендарная харизма разбивалась вдребезги о сломанную сантехнику. Великий Король Горы, покоритель вершин, прямо сейчас на моих глазах превращался в обычного, растерянного провинциального администратора, который потерял контроль над собственным домом.

Я горько усмехнулась, не отрывая взгляда от деревянной фигурки в своих руках. Какая точная, предсказуемая физика. Стоит только выбить из-под красивого, монументального здания невидимую несущую конструкцию, и оно неизбежно сложится внутрь себя под тяжестью собственного веса. Я взяла кусок плотного войлока, капнула на него немного льняного масла и начала с силой втирать его в мореный дуб. От агрессивного трения древесина нагрелась, ожила,

проявив свой глубокий, благородный цвет. Поверхность стала глянцевой и твердой. Черная Королева была идеальна. Она больше не была куском мертвого дерева, гниющего в болоте. Она обрела форму, опору и смысл.

В этот момент на краю верстака мелко и назойливо завибрировал мой мобильный телефон.

Я отложила промасленный войлок и вытерла руки чистой ветошью. Экран смартфона светился в полумраке мастерской резким, тревожным светом. На дисплее высветилось имя: "Витя (сын)".

Мое сердце по привычке болезненно екнуло, но я не потянулась к экрану. Алгоритм действий моего мужа читался как открытая книга. Георг, поняв, что система рухнула, а его непререкаемый авторитет перед столичной любовницей рассыпается в пыль, пустил в ход свою самую тяжелую артиллерию. Он не мог прогнать меня сам, поэтому позвонил нашему взрослому сыну в город. Наверняка наговорил ему с три короба о том, что мать сошла с ума, бросила дом и методично губит семейный бизнес. Он использовал Виктора как эмоциональный таран, зная, что перед сыном я всегда пасовала и отступала.

Телефон продолжал вибрировать, медленно ползя по гладкой поверхности стола. Звук казался оглушительным.

Я смотрела на мигающее имя своего ребенка. Завтра мне предстоит самый тяжелый, самый изматывающий бой в моей жизни. Бой не с мужем - тот уже проиграл, сам того пока не осознавая. Бой с собственным сыном, который будет отчаянно защищать свою привычную, удобную картину мира, где мама всегда на кухне, а папа - на пьедестале.

Я не стала сбрасывать вызов. Я просто позволила ему звучать, пока экран не погас сам собой, погрузив мастерскую обратно в спасительный полумрак.

Выключив яркий верхний свет, я оставила гореть только старую настольную лампу с желтым абажуром. Взяла метлу с жесткой щетиной и начала методично, неспешно сметать острую дубовую стружку с пола. За моей спиной в панике и суете рушилась сорокалетняя империя, а здесь, в пропахшей морилкой и кедром холодной пристройке, царил абсолютный порядок.

Глава 7. Предательство крови

Самое страшное в разрушении многолетней, въевшейся в подкорку привычки - это то, что твоё тело продолжает жить по старому, уже несуществующему расписанию. Я проснулась в половине шестого утра, задолго до рассвета, и мои ноги сами рефлекторно потянулись к краю узкой жесткой кровати. Мышцы спины напряглись, готовые нести меня сквозь холодный двор на кухню, чтобы разжигать профессиональную плиту, замешивать огромные объёмы дрожжевого теста и нарезать фермерское мясо для туристов.

Потребовалось несколько долгих, глубоких вдохов стылого воздуха мастерской, чтобы выключить этот механизм. Чтобы вспомнить: мне больше не нужно никого кормить, никого спасти и ничье величие обслуживать. Моя каторжная вахта окончена навсегда.

Около восьми утра я подошла к массивной двери пристройки и с глухим металлическим лязгом отодвинула тяжёлый стальной засов. Оставила створку чуть приоткрытой, впуская внутрь колючий, морозный горный сквозняк. Сегодня заглянуть должен был Анастас Линьков. Вчера мы договорились, что он зайдёт забрать на реставрацию старинный венский стул с треснувшей спинкой, который я отложила для него ещё до той проклятой ночи у палатки.

Я налила себе горячего чая из термоса, вернулась к своему широкому верстаку, села на деревянный табурет и взяла в руки заготовку Чёрного Короля. Древесина мореного дуба привычно холодила ладонь. Вчерашние пластыри на моих стертых костяшках уже подсохли, стянули содранную кожу, а острая боль сменилась тупой, почти домашней пульсацией. Я прижала скошенный край японского штихеля к твёрдому дереву и начала медленно, с нажимом снимать тончайшую чёрную стружку, выверяя угол наклона лезвия.

Сквозь монотонный, гипнотический скрежет металла по дереву вдруг пробился чужеродный звук. Это был не тяжёлый, уверенный рокот дизельного грузовика фермера Михалыча и не густые басы туристических внедорожников. Мягко, с каким-то нервным, суетливым шелестом по мелкому гравию заднего двора прокатились городские шины. Дверца хлопнула легко, с сухим жестяным звуком.

Я отложила резец и выглянула в заиндевшее окно. У кухонного крыльца нашего гостевого дома стоял знакомый темный кроссовер.

Мое сердце предательски дрогнуло, пропуская удар. Тот самый старый, неискоренимый, иррациональный материнский рефлекс, который заставляет нас прощать своим детям всё, сработал безотказно. В груди разлилось обманчивое, горячее тепло. Витя. Мой взрослый сын сорвался в ночь из города, гнал машину по опасным, обледелым горным серпантинам, чтобы приехать ко мне. Он ведь знает, как я жила все эти сорок лет. Он видел мои сбитые ноги, тяжёлые сумки и бессонные ночи. Он обязательно поймет.

Я торопливо вытерла руки куском чистой ветоши, стянула с толстого шерстяного свитера дубовую пыль и сделала шаг навстречу распахнутой двери.

Виктор ворвался в мастерскую вместе с клубами морозного пара, даже не подумав постучаться. В своем тонком городском пальто цвета мокрого асфальта и легких кожаных ботинках он выглядел здесь нелепо, болезненно чужеродно. Под его глазами залегли темные, сизые тени от бессонной ночи за рулем. От него резко пахло дешевым энергетиком, бензином и дорогим, тяжелым парфюмом. Этот агрессивный запах столичного стресса мгновенно перебил мой густой, спокойный аромат кедрового дерева, морилки и льняного масла.

- Витя, - я протянула к нему руки, чувствуя, как от облегчения сжимается горло.

Но он даже не подумал шагнуть мне навстречу. Сморщившись, словно от внезапной зубной боли, Виктор отстранился и брезгливо стянул с левого рукава пальто невидимую стружку. Его взгляд скользнул по тесному помещению, по старому масляному радиатору в углу, по моим разложенным инструментам на верстаке, и в этом взгляде не было ни капли

сыновнего сочувствия. Там был только холодный, жесткий расчет, помноженный на нескрываемое раздражение.

- Мам, что за цирк ты тут устроила? - с порога начал он, и его голос сорвался на высокой ноте. Это был тон не ребенка, приехавшего спасать мать от предательства. Это был тон антикризисного менеджера, у которого на объекте внезапно взбунтовался ценный сотрудник. - Отец ночью оборвал мне телефон. У него там давление скачет, эта Виолла скандалит, гости сидят без горячей воды! Ты зачем заперлась в этом сарае?

Моя хрупкая иллюзия мгновенно осыпалась на дощатый пол мелкой, сухой трухой. Я опустила протянутые руки. Воздух в мастерской внезапно стал плотным, им стало трудно дышать. Я молча вернулась на свой рабочий табурет и посмотрела на сына совершенно другими глазами.

Виктор начал нервно мерить шагами пятачок свободного пространства между шкафом со струбцинами и моим столом.

- Я ехал сюда шесть часов и не мог поверить в то, что он мне рассказывает! - продолжал сын, раздраженно расстегивая верхнюю пуговицу пальто. - Мам, ну ты же мудрая женщина! У отца тяжелый период. Ты сама прекрасно знаешь, какие у него перепады настроения. Кризис возраста, бес в ребро, да. Но эта столичная фифа - его инвестор! У них там свои игры ради денег. Ну флиртовал он с ней, ну ляпнул лишнего у ночного костра, чтобы мужиком себя почувствовать и бюджет на новые палатки выбить. Зачем делать из мухи слона и рушить семью на старости лет из-за такой ерунды?

- Он прямым текстом назвал меня удобной вещью, Витя. Плоской равниной, с которой он просто доживает свой век, - произнесла я. Мой голос прозвучал удивительно ровно, без надрыва и слез. Я не оправдывалась, я просто положила этот факт между нами, как тяжелый гранитный камень.

Но Виктор лишь раздраженно отмахнулся, словно отгонял назойливую мошкарку. Для него мои чувства не имели абсолютно никакого веса.

- Господи, просто слова! Слова на публику ради контракта! Зато посмотри, как вы живете. У вас лучший гостевой дом в Тумановой Пади. Ты хозяйка. У тебя все есть. А теперь ты понимаешь, что своими обидами пускаешь весь бизнес по миру?

Он остановился напротив меня и тяжело оперся руками о край моего рабочего верстака, едва не задев лезвие острой стамески. Я посмотрела на его пальцы. Узловатые, крепкие. Точно такие же, как у Георга. И эта покровительственная манера подаваться вперед, нависая над собеседником - тоже отцовская.

- Это и мое наследство, мам, - в его голосе прорезалась неприкрытая, злая паника человека, у которого внезапно отбирают кошелек. - У меня ипотека еще на десять лет. Ленке нужны деньги на репетиторов для младшего, машину давно пора менять. А вы из-за своей женской гордости бросаете кухню в самый разгар сезона! Вы угрожаете репутацию приюта за неделю, и все бронирования слетят!

Я смотрела на своего сорокалетнего сына и чувствовала леденящий, пробирающий до самых костей ужас. Это было в тысячу раз страшнее, чем услышать об измене мужа. Сорок лет я приносила себя в жертву. Я стирала в кровь руки в прачечной, недосыпала, глотала обиды, не покупала себе новых вещей, чтобы Георга видели в лучшей экипировке. Я искренне верила, что показываю своему ребенку пример настоящей, крепкой семьи. Пример жертвенной любви, которая все преодолет.

А на деле я показала ему только одно: женщина - это просто механизм. Удобный обслуживающий персонал. Амортизатор для мужского комфорта. Базовая функция, которая не имеет права на сбой, даже если у нее внутри все выгорело дотла. Для Виктора я была не матерью, которой сейчас невыносимо больно. Я была кухаркой, которая самовольно покинула рабочее

место и поставила под угрозу его будущие доходы. Я своими руками вырастила точную, усовершенствованную копию мужа.

- Я не вернусь в тот дом, - тихо сказала я, взяв в левую руку тяжелую деревянную киянку. Не для защиты, а просто чтобы почувствовать в ладони холодную, понятную твердость. Найти точку опоры. - И я ничего не рушу. Я просто вышла из игры. Твой отец сорок лет продавал туристам легенду о своем величии и абсолютном контроле над стихией. Пусть теперь сам справляется с бойлерами, горелым мясом и капризами своих инвесторов.

Столкнувшись с моей бетонной, спокойной непреклонностью, Виктор перешел к тому самому грязному приему, которым виртуозно владел его отец. К безжалостному обесцениванию. Он ударил по самому больному.

- Мам, посмотри правде в глаза, - он криво усмехнулся, и эта циничная гримаса сделала его лицо некрасивым, чужим. - Тебе шестьдесят пять лет. Куда ты пойдешь, если вы разведетесь? На что ты жить собираешься? Кому ты нужна в своем возрасте со своими деревянными игрушками? Вся деревня будет над тобой смеяться. Соседи пальцем у виска крутить будут. Заканчивай этот нелепый старческий бунт. Сейчас ты переодеваешься, идешь на кухню и готовишь нормальный завтрак для этой Виоллы. Сглаживаешь углы, извиняешься за вчерашний демарш. А вечером мы все вместе садимся и решаем вопрос с перераспределением обязанностей.

Я аккуратно положила киянку обратно на стол. Оперлась ладонями о колени, обтянутые плотным флисом, и медленно выпрямилась. Моя поясница глухо и протяжно хрустнула. Несмотря на то, что Виктор был выше меня почти на целую голову, сейчас в своей мастерской я чувствовала себя монументальнее и тяжелее его. Потому что подо мной была твердая земля моей выстраданной правоты, а он жалко висел в воздухе, трясясь за свои кредиты и привычный, сытый комфорт.

- Моя смена окончена, Виктор, - я посмотрела ему прямо в покрасневшие от недосыпа, злые глаза. - И для твоего отца, и для тебя. Я больше никого не обслуживаю. Мое имущество и мои деревянные фигурки - это не твоя забота. Возвращайся в дом и помогай ему сам. Мой полы, чисти картошку, стели постели. А сейчас выйди из моей мастерской.

Лицо сына мгновенно пошло неровными бордовыми пятнами. Точно так же, как у Георга вчера утром у раздаточного окна. Его удобная картина мира, в которой мама всегда подает горячий суп, стирает носки и все безропотно прощает ради сохранения семьи, дала критическую, непоправимую трещину. И этот факт, помноженный на животный страх за свои финансы и бессильную злобу, окончательно снес ему тормоза.

Он сделал резкий, агрессивный выпад вперед. Его рука в дорогой городской ткани грубо, с пугающей мужской силой перехватила мое правое запястье, больно сдавливая подсыхающие ссадины на костяшках.

- Я сказал, ты сейчас же пойдешь в дом и сделаешь то, что должна! - сорвался на истеричный крик Виктор, дергая меня на себя так сильно, что в плечевом суставе вспыхнула острая, обжигающая боль. - Хватит строить из себя невинную жертву! Ты пойдешь туда прямо сейчас!

Глава 8. Тяжесть чужой руки

Пальцы сына сомкнулись на моем правом запястье с пугающей, совершенно незнакомой мне мужской силой. Последовал резкий, нетерпеливый рывок на себя. Острая, обжигающая вспышка боли мгновенно прострелила мой плечевой сустав, напоминая о том, что мне давно не тридцать лет и мои связки уже не обладают прежней упругой эластичностью. От этого грубого захвата тонкая, еще не зажившая кожа на моих стертых о наждачную бумагу костяшках болезненно натянулась под бактерицидными пластырями.

Мое тело, привыкшее к постоянному, многолетнему физическому труду на огромной кухне и в душевой прачечной гостевого дома, сработало в этот момент гораздо быстрее рассудка. Я не стала судорожно вырываться, не закричала, не попыталась ударить Виктора свободной рукой. Я просто широко расставила ноги в тяжелых трекинговых ботинках, намертво впечатав их жесткие рифленые подошвы в дощатый пол мастерской, и перенесла весь свой вес вниз. За одну секунду я превратилась в неподъемную, глухую дубовую колоду, лишённую эмоций и страха.

Виктор тяжело, с неровным нервным присвистом дышал, нависая надо мной. Тонкая, дорогая серая ткань его городского пальто некрасиво замялась на сгибе локтя от физического напряжения. Я смотрела на его безупречный маникюр - гладкие, идеально ровные ногти успешного столичного руководителя, до побеления впивающиеся в рукав моего старого рабочего свитера. И от этого абсурдного зрелища где-то очень глубоко под ребрами расплзалась ледяная, парализующая горечь.

Мой мальчик. Тот самый ребенок, которому я по ночам сбивала высокую температуру, для которого по крупяцам собирала деньги на лучшие учебники и дорогих репетиторов, раз за разом отказывая себе в покупке теплой зимней одежды. Тот, ради которого я десятилетиями терпела снисходительность мужа, свято веря, что сохраняю для сына полноценную, правильную семью. Мой сын сейчас стоял передо мной с искаженным от животной паники лицом и был готов физически сломать меня, лишь бы я вернулась к кухонной плите и продолжила безропотно обслуживать его привычный комфорт. Георг даже не соизволил прийти сам. Он трусливо использовал собственного сына как эмоциональный таран, прекрасно зная, что материнское сердце всегда уязвимо.

- Я сказал, ты сейчас же пойдешь в дом! - слюна брызнула с губ Виктора. Его лицо пошло неровными бордовыми пятнами, когда он окончательно понял, что не может сдвинуть меня с места ни на миллиметр. - Ты губишь все, чего отец добивался годами! Инвесторы сваливают, гости скандалят, репутация приюта летит в пропасть! Моя ипотека... ты вообще о нас подумала? Ты не имеешь права вот так просто все бросить из-за своих старческих обид!

- Отпусти мою руку, Виктор, - произнесла я.

Мой голос прозвучал удивительно глухо и монолитно, словно доносился из-под толщи холодной озерной воды. Я смотрела ему прямо в бегающие, покрасневшие от бессонной ночи за рулем глаза. Мое абсолютное, тяжелое спокойствие бесило его сильнее любых женских истерик или звонких пощечин. Он приехал сюда победителем, он ждал от меня слез раскаяния, ждал привычного суетливого материнского оправдания, а наткнулся на непробиваемую бетонную стену. Его удобную систему координат заклинило.

Тяжелая деревянная дверь моей пристройки, которую я оставила приоткрытой еще рано утром, чтобы выветрить едкие запахи морилки, вдруг протяжно скрипнула на старых, давно не смазанных петлях и распахнулась шире. Внутри тесной мастерской мгновенно скользнул плотный, обжигающе морозный сквозняк, взметнув мелкую золотистую кедровую пыль у самого порога.

На пороге стоял Анастас Линьков.

На нем была потертая, выдававшая виды рабочая куртка цвета хаки из плотного брезента и тяжелые, зашнурованные до самого верха кожаные ботинки, покрытые белым налетом утреннего инея. Он не стал выбивать дверь плечом, не принимал театральных поз благородного рыцаря из дешевых романов. Он просто перешагнул порог, принес с собой густой, настоящий мужской запах уличного холода, ввевшегося табака и терпкого натурального скипидара. Этот плотный аромат ремесла мгновенно вытеснил из помещения агрессивный запах дорогого столичного парфюма Виктора.

Сын вздрогнул от неожиданности, услышав чужие шаги за спиной. Хватка на моем болящем запястье на какую-то долю секунды ослабла, но глупое мальчишеское упрямство и ущемленная гордость взяли верх. Виктор не разжал пальцы. Он вздернул подбородок, нервно поправляя воротник своего кашемирового пальто свободной левой рукой, отчаянно пытаясь сохранить вид непререкаемого хозяина положения. Хотя его взгляд уже выдавал типичную панику офисного человека, застигнутого врасплох за применением силы.

Анастас оценил мизансцену за один короткий, бесшумный вдох. В его выверенных движениях не было суеты, спешки или показной бравады. Он сделал два неспешных, тяжелых шага к моему верстаку, аккуратно обходя рассыпанную по полу жесткую дубовую стружку от Черной Королевы.

Его большая, тяжелая ладонь опустилась сверху на руку Виктора.

Я крупным планом видела этот потрясающий, жестокий контраст фактур. Гладкая, ухоженная кожа моего сына с тонким металлическим ремешком умных часов на запястье оказалась намертво зажата под грубыми, испещренными мелкими белыми шрамами пальцами столяра. Под пальцами человека, который десятилетиями гнул неподатливое дерево, возвращал к жизни сломанные механизмы и знал абсолютно все о пределе физического сопротивления мертвых материалов.

Анастас не стал бить его, не стал выкручивать суставы или демонстрировать приемы уличной драки. Он просто начал методично сжимать предплечье Виктора. Медленно, без единого резкого рывка, с неотвратимостью и безжалостностью стального промышленного пресса. В этой хватке не было желания унижить, там было лишь жесткое, непререкаемое принуждение к порядку.

- Ты дверью ошибся, парень, - произнес Анастас тихо и абсолютно ровно. - Отпусти.

В его низком, глубоком голосе не было ни капли истеричной злости или нервного надрыва. Лишь железобетонная, первобытная угроза, подкрепленная реальной силой. Суетливый столичный напор Виктора разбился об эту глухую стену вдребезги. Сын жалко зашипел сквозь плотно сжатые зубы от боли в сдавленной мышце, его длинные пальцы судорожно разжались, отпуская мою многострадальную руку. Он резко отшатнулся назад, споткнувшись о деревянную ножку рабочего табурета и едва не опрокинув тяжелую стойку с металлическими струбцинами.

Лицо Виктора приобрело землистый, нездоровый оттенок. Унижение от того, что его так легко, без крика и скандала поставили на место на глазах у матери, лишило его последних остатков выдержки. Он с силой потер покрасневшее предплечье, затравленно посмотрел сначала на возвышающегося над ним спокойного Анастаса, затем перевел полный жгучей обиды взгляд на меня.

- Вы об этом горько пожалеете, - выплюнул он, отступая спиной к выходу на обжигающий мороз. Его голос предательски сорвался на высокой ноте. - Я с тобой разговаривал как с нормальным человеком! Отец вышвырнет тебя отсюда без копейки! На паперть пойдешь со своими деревяшками!

Он круто развернулся, едва не задев плечом дверной косяк, и выскочил за дверь. Мелкий, промерзший за ночь гравий заднего двора сухо захрустел под тонкими подошвами его ботинок. Спустя пару тягучих секунд громко, с отчетливым жестяным лязгом хлопнула дверца тем-

ного кроссовера. Мощный двигатель нервно взревел на высоких оборотах, и тяжелая машина с агрессивной пробуксовкой вылетела с территории нашего гостевого дома, уносясь прочь по узкой каменистой дороге ущелья.

Я осталась стоять у верстака, тяжело опираясь бедром о холодный край столешницы. Как только шум мотора окончательно растаял в прозрачном, разреженном утреннем воздухе Тумановой Пади, меня накрыл тяжелый, неизбежный физиологический откат. В коленях под флисовыми брюками появилась противная, предательская слабость, от которой невозможно было избавиться простым усилием воли. Вдохнуть полной грудью не получалось - ребра словно стянуло невидимым стальным обручем. Я опустила глаза на свое правое запястье, где на покрасневшей коже четко отпечатались белесые следы пальцев сына, и машинально потеряла его левой ладонью, пытаясь восстановить нормальное кровообращение.

Анастас не бросился меня утешать. Он не стал заглядывать мне в глаза с навязчивым сочувствием, не стал задавать глупых дежурных вопросов в духе "ты как?" или предлагать присесть. Жалость - это именно то, что окончательно добило бы меня прямо сейчас, заставило бы расклеиться и расплакаться от накопившейся обиды. И он, кажется, прекрасно это понимал, считывая мое состояние с точностью идеального измерительного прибора. Анастас проявил высшую степень уважения к моей беде, подарив мне спасительное пространство и время, чтобы собрать свою гордость заново без унижительных свидетелей.

Мужчина просто молча отвернулся. Он прошел мимо меня в дальний, плохо освещенный угол мастерской, где еще со вчерашнего дня сиротливо ютился обещанный ему на реставрацию старинный сломанный венский стул. Анастас присел на корточки, стянул с рук грубые рабочие перчатки и провел загрубевшим большим пальцем по глубокой продольной трещине на изящной, изогнутой буковой спинке.

Он задумчиво поцокал языком, внимательно, с профессиональным прищуром изучая текстуру пострадавшей древесины и остатки помутневшего от времени лака.

- Древесина пересохла до самого звона, - буднично, ровно произнес Анастас, даже не оборачиваясь в мою сторону. - Просто так столярный клей ее не возьмет, не впитается. Распаривать буковые волокна придется долго и очень аккуратно, иначе они гарантированно лопнут при стяжке струбинами. У тебя качественная льняная олифа на складе осталась или мне свою из дома принести?

Этот простой, профессиональный, насквозь лишенный дешевого драматизма тон подействовал на мою оголенную психику лучше любого медицинского успокоительного. Он мгновенно выдернул меня из липкой, затягивающей трясины грязного семейного скандала обратно в нормальную реальность. В тот понятный, твердый мир, где вещи можно было починить правильным инструментом, где дерево требовало лишь терпения и внимания, а мужчины не ждали от женщин полного растворения в себе ради их комфорта.

Я сделала глубокий, размеренный вдох, наполняя горящие легкие спасительным запахом пыли и скипидара. Дрожь в суставах постепенно утихла, уступая место тягучей мышечной усталости. Я выпрямила спину, расправила плечи и убрала левую руку от пульсирующего запястья.

- На нижней полке стеллажа стоит почти полная банка, - ответила я так же ровно, кивнув в сторону узкого заиндевшего окна. - Можешь забрать всю, мне она для полировки шахмат пока не нужна. Бери инструмент, Анастас, и давай работать.

Глава 9. Идеальный срез

В воздухе мастерской повис плотный, едкий запах жженого сцепления и непрогоревшего бензина. Этот агрессивный, суетливый городской смрад казался абсолютно чужеродным здесь, среди спокойных, тягучих ароматов сосновой смолы, сухой кедровой стружки и спиртовой морилки. Но он въедался в легкие, царапал горло и служил материальным, физическим доказательством того, что только что произошло.

Я смотрела сквозь заиндевшее стекло окна на пустой задний двор нашего приюта. Там, на мелком гравии, выбеленном утренним морозом, остались глубокие, неровные следы от буксующих широких шин машины моего сына.

Отвернувшись от окна, я сделала два шага к порогу и плотно прикрыла тяжелую створку деревянной двери. Накинула стальную массивную щеколду. Громкий, сухой лязг металла отсек гуляющий по полу ледяной сквозняк и окончательно отгородил меня от внешнего мира.

На нижней полке стеллажа, прямо за картонными коробками с крупнозернистой наждачной бумагой, стояла нужная мне стеклянная банка. Я достала ее. Стекло привычно холодило ладонь, а внутри медленно, тяжело переливалась темная льняная олифа. Стараясь не делать резких движений, я подошла к углу, где сидел Анастас Линьков, и поставила банку на край его рабочего столика.

Он лишь коротко кивнул, не поднимая на меня глаз. Анастас стянул с широких плеч уличную брезентовую куртку цвета хаки, повесил ее на спинку свободного стула, оставшись в мягкой, потертой фланелевой рубашке в крупную клетку. Из своего глубокого ящика он достал крошечную туристическую газовую горелку, чиркнул спичкой и поставил на синее пламя жестяную банку с водой - водяную баню, чтобы бережно разогреть гранулы животного столярного клея. Дерево не терпит спешки, а реставрация - тем более.

Адреналин, державший мое тело в состоянии натянутой до звона струны во время скандала, начал медленно отступать. Его место ожидаемо заняла тупая, горячая пульсация в правом плечевом суставе - именно там, где пальцы Виктора слишком сильно, с пугающей мужской агрессией рванули плотную вязку моего рабочего свитера. Я вернулась на свой табурет у широкого верстака, опустилась на жесткое деревянное сиденье и уставилась на собственные руки. Под бактерицидными пластырями, стягивающими содранную о стол кожу, глухо бился пульс.

Горечь, разливающаяся сейчас где-то очень глубоко под ребрами, была гораздо гуще, темнее и безнадежнее той, что я испытала позавчера ночью у силиконовой палатки мужа. Измена Георга разрушила долгую, укоренившуюся иллюзию моего брака, сдернула красивый фасад, обнажив гнилые несущие доски. Но поступок Виктора ударил в самое основание моей личности. Он безжалостно обесценил весь смысл моего жертвенного материнства.

Сорок лет я выстраивала вокруг Вити непробиваемый защитный купол. Я глотала обиды, прятала хроническую усталость под дежурной улыбкой, стирала в кровь руки в подвальной прачечной и притворялась абсолютно счастливой женщиной, чтобы у моего мальчика перед глазами всегда был пример крепкой, правильной семьи. Я выкраивала деньги ему на лучшие горные лыжи и городские пуховики, годами донашивая свои старые куртки. Я постоянно оправдывала холодность и отстраненный эгоизм Георга перед ребенком его великой усталостью после восхождений. Я свято, до одури верила, что моя каждодневная бытовая жертвенность покупает сыну здоровую психику и надежные ориентиры в жизни.

А на деле я своими собственными руками вылепила человека, который блестяще усвоил лишь один извращенный урок: комфорт мужчины священен, а женщина - это просто полезный домашний механизм. Удобный, бесперебойный амортизатор, который не имеет права на свои и обязан поглощать любые жизненные удары. Мой взрослый сын примчался сюда по обледелым серпантинам не для того, чтобы защитить униженную мать. Он приехал защищать свои

будущие дивиденды, свою непогашенную столичную ипотеку и свой удобный, сытый мир, в котором мама всегда стоит у горячей плиты, а папа вещает с пьедестала. И винить в этом монстре, кроме себя самой, мне было абсолютно некого.

Дышать стало тяжело. Мне нужно было срочно за что-то ухватиться. За понятную, плотную материю, которая не умеет лгать, не требует жертв и не предает в ответ на заботу.

Я потянулась к массивной заготовке из мореного дуба, лежащей на краю столешницы. Мой Черный Король. Это удивительная, реликтовая древесина, пролежавшая на дне холодных торфяных болот не одну тысячу лет. Лишенная кислорода, она впитывает в себя соли земли, каменеет, чернеет и начинает сопротивляться резцу с глухой, вязкой яростью. Рядом с заготовкой лежал мой любимый японский штихель - инструмент с идеальной геометрией узкого лезвия, которым я еще вчера вечером безжалостно снимала стружку на одних голых эмоциях.

Но сегодня тело категорически отказывалось мне подчиняться. Внутри суставов все еще вибрировала мелкая, предательская дрожь от пережитого стресса, отбирая силу у пальцев. Я плотно обхватила кедровую рукоять, прижала скошенный край острой стали к дереву и попыталась сделать глубокий, формирующий рез вдоль плотных черных волокон.

Кисть дрогнула. Угол наклона лезвия по отношению к поверхности сбился всего на какую-то неуловимую долю миллиметра, но мореный дуб никогда не прощает суеты. Вместо того чтобы послушно снять ровную стружку, сталь сорвалась. Раздался сухой, скрежещущий, абсолютно неправильный звук. Лезвие жестко проехало по гладкой матовой поверхности, оставляя за собой уродливый, глубокий, рваный задира. Волокна тысячелетнего дерева лопнули с глухим хрустом.

Я замерла, до болезненного спазма стиснув челюсти. Этот отвратительный звук испорченного материала ударил по натянутым нервам хлестче, чем истеричные крики сына полчаса назад. Инструмент, в который я вложила столько слепой физической силы вчера, безнадежно затупился. Он больше не мог резать чисто, он мог только рвать и калечить. Я с тяжелым выдохом опустила штихель на верстак и закрыла глаза, чувствуя, как от накопившегося бессилия к горлу подкатывает колющий ком.

Сквозь тихое шипение газовой горелки и бульканье закипающей воды в бане я услышала ровные шаги. Анастас оставил свой венский стул и неспешно подошел к моему верстаку. От него пахло нагретым животным клеем, старой пылью и натуральным табаком.

Он не стал заглядывать мне в лицо с навязчивым, липким сочувствием. Не стал произносить пошлых дежурных фраз о том, что мне нужно успокоиться, выпить чаю или подышать свежим воздухом. Он просто протянул свою большую ладонь, испещренную старыми белесыми шрамами от сорвавшихся лезвий и химических ожогов. Протянул ладонью вверх и стал молча ждать.

Я посмотрела на его крепкую, мозолистую руку, затем перевела взгляд на испорченную дубовую заготовку. И, помедлив секунду, вложила свой затупившийся штихель в его сухие пальцы.

Анастас отступил на полшага назад. Он поднес мой инструмент к свету старой настольной лампы с пожелтевшим абажуром, профессионально прищурился, вдумчиво изучая поврежденную режущую кромку металла. Затем он медленно выдвинул нижний отсек своего инструментального ящика и достал тяжелый, прямоугольный двусторонний водный точильный камень. Положил его на свободный край моего стола.

Капнул на серую, пористую поверхность абразива немного прозрачного технического масла. Резкий, чистый запах минеральной смазки ударил в ноздри и начал окончательно вытеснять из углов моей мастерской остатки нервного столичного парфюма Виктора.

Анастас прижал скошенную грань японского штихеля к камню. Движения шли строго от себя. Выверенный, идеальный наклон кисти. Мягко, но с ощутимым, мужским нажимом.

Звук скользящей по мокрому камню стали заполнил мастерскую. Ровный, шероховатый, гипнотический шелест. В тишине выстуженного помещения этот монотонный ритм начал работать как надежный, тяжелый маятник. Вдох. Выдох. Сталь скользила по абразиву, смешиваясь с маслом в темную густую суспензию, сбрасывая с себя микроскопические частицы замятого, мертвого металла, возвращая себе первозданную геометрию.

Я сидела, ссутулившись на табурете, и неотрывно смотрела на то, как работают его руки. Внутри меня медленно, со скрипом проворачивался какой-то огромный, невидимый механизм, навсегда меняя саму систему координат моей жизни.

Сорок лет я была именно этим серым точильным камнем. Я была жесткой наждачной бумагой, об которую Георг каждое утро методично правил свое раздутое эго. Я десятилетиями поглощала трение его неудач на сложных маршрутах, сглаживала его раздражение после падения доходов, брала на себя самую черную, неблагодарную, невидимую работу, чтобы он мог выходить к туристам на крыльцо и сиять идеальным, безупречным лезвием своей легендарной харизмы. Мой каторжный труд воспринимался моей семьей как базовая, встроенная функция. Как гравитация. Как воздух, о котором никто не задумывается и не вспоминает, пока он внезапно не исчезнет.

И вот сейчас передо мной стоял взрослый, спокойный мужчина. Он не требовал к себе восхищенного внимания. Он не рассказывал театральных баек о своих победах над стихией. Он не пытался учить меня жизни и не раздавал приказов. Он методично, с абсолютным уважением к моему ремеслу, восстанавливал мой рабочий инструмент. Анастас обслуживал мою потребность творить. В этом простом, рутинном техническом действии было столько надежной, первобытной заботы, что у меня внезапно перехватило дыхание. Не от слабости. От пугающего, оглушительного осознания того, что нормальность действительно существует. Что этот мир не состоит исключительно из тех, кто привык только брать, ломать и потреблять. В нем есть люди, которые умеют чинить.

Звук трения стих. Анастас взял со стола кусок чистой хлопковой ветоши и бережно протер лезвие штихеля, снимая остатки грязной масляной суспензии. Металл снова тускло блеснул идеальной фаской. Затем мастер провел проверочный тест - классический прием старых столяров. Он слегка, без нажима коснулся острой кромкой ногтя своего большого пальца. Сталь не скользнула по пластине, она мгновенно, цепко впилась в роговой слой. Заточка была безупречной.

Он перехватил штихель и молча подал его мне деревянной рукоятью вперед.

- Угол был завален, - ровно констатировал Анастас, не делая из своей помощи никакого подвига. Он уже отворачивался, чтобы вернуться к своей кипящей водяной бане и венскому стулу. - Мореный дуб не прощает тупой стали. Ему всегда нужна правильная геометрия, иначе он будет сопротивляться до последнего.

- Спасибо, - мой голос прозвучал тихо, но удивительно чисто. Без утренней хрипоты и надрыва.

Я перехватила гладкую кедровую ручку. Металл инструмента еще хранил едва уловимое, живое тепло его пальцев. Пульсирующая боль в правом плече окончательно отступила на задний план, сменившись привычной, рабочей мышечной тяжестью. Мое сердцебиение выровнялось.

Я снова придвинула к себе массивную заготовку Черного Короля. Поставила лезвие точно в начало уродливого, рваного задира, оставленного моим недавним бессилием. Сделала глубокий вдох, наполняя легкие ледяным сквозняком, смешанным с запахом горячего клея и машинного масла. И одним сильным, абсолютно уверенным движением провела кистью вдоль волокон.

Правильная, острая сталь вошла в неподатливое тысячелетнее дерево, как в плотное теплое масло. Инструмент в моих руках даже не дрогнул. Из-под лезвия беззвучно вышла тон-

чайшая, глянцевая черная стружка. Она завилась красивым упругим кольцом и мягко упала на дощатый пол.

На месте изуродованной грани остался безупречно ровный, сияющий глубоким темным цветом срез. Внутренний механизм моей жизни снова был отлажен, очищен от иллюзий и смазан холодной ясностью. Мои инструменты были заточены, и теперь я знала: какое бы давление ни попытался оказать на меня сегодня Георг, я встречу его во всеоружии. Я больше не сломаюсь.

Глава 10. Фантомные боли

Фантомная боль - удивительно точный медицинский термин. Говорят, что люди могут десятилетиями чувствовать мучительный зуд, холод или пульсацию в ампутированной конечности. Мозг отказывается принимать потерю и продолжает посылать нервные импульсы в пустоту. С человеческими отношениями все работает по точно таким же безжалостным законам физиологии.

Анастас Линьков ушел минут двадцать назад. В дальнем углу мастерской, туго стянутый холодными металлическими трубцинами, сох старинный венский стул. Воздух в пристройке медленно остывал, терпкий запах нагретого животного клея постепенно смешивался с чистым, резким ароматом машинного масла, оставшегося на точильном камне.

Я сидела на деревянном табурете у верстака и медленно, методично растирала ноющее правое плечо сквозь плотную шерстяную вязку моего свитера. Именно там, где пальцы моего взрослого сына с пугающей мужской агрессией впились в сустав. Боль была настоящей, физической, но гораздо сильнее меня накрывало то самое фантомное чувство - выдрессированный годами материнский рефлекс. Мое тело по старой памяти требовало сорваться с места, позвонить Вите, успокоить его, извиниться за то, что расстроила, пообещать, что мама все исправит и вернет его удобный, сытый мир на прежние рельсы.

Потребовалось несколько долгих, глубоких вдохов стылого воздуха, чтобы окончательно выключить этот механизм. Конечность ампутирована. Иллюзия того, что я вырастила чуткого, понимающего мужчину, срезана под корень. Витя сделал свой выбор, встав на сторону эгоизма и собственных дивидендов, и мне оставалось лишь признать этот сухой факт. Разум стал абсолютно холодным и прозрачным, как лед на горных лужах. Я знала своего мужа сорок лет и прекрасно понимала: если агрессивный силовой напор через сына провалился, Георг пустит в ход свою самую тяжелую, проверенную десятилетиями артиллерию. Образ благородного мученика. Нужно было просто подготовиться.

Тело, перенесшее стресс, требовало калорий. Я не собиралась сидеть в театральной прострации и голодать на потеху публике. Повернувшись к своему дорожному чемодану, я достала бумажный сверток, который благоразумно прихватила с кухни еще ранним утром, до прихода гостей. Внутри лежал увесистый кусок твердого крафтового сыра и половина буханки плотного ржаного хлеба с тмином. Налив в алюминиевую кружку горячий травяной чай из термоса, я устроила себе спартанский обед прямо на краю чистого верстака.

Отрезая ножом тонкий ломтик сыра, я бросила случайный взгляд в заиндевшее окно. На задний двор гостевого дома, сухо хрустя мелким гравием, медленно заехал белый коммерческий фургон с логотипом дорогого ресторана из райцентра. Из кабины выскочили двое парней в униформе и начали торопливо выгружать тяжелые термоконтейнеры с готовой едой.

Я едва заметно усмехнулась, отпивая обжигающий чай с чабрецом. Георг никогда не был беспомощным инвалидом в быту, каким любил казаться в мелочах. Поняв, что молодая Ксения безнадежно испортила продукты в умном пароконвектомате, он оперативно достал телефон, задействовал связи и за свой счет заказал доставку премиальной еды для VIP-группы. Катастрофы от голода не случилось. Муж спас желудки своих инвесторов. Вот только эксклюзивный, домашний «Приют Строгановых», пахнущий свежей выпечкой и моим личным каторжным трудом, прямо в эту секунду превратился в обычный, безликий отель на трассе. Иллюзия величия начала обходиться Георгу слишком дорого.

Я дожевала хлеб, когда на дорожке, ведущей к моей пристройке, показалась знакомая фигура.

Георг шел медленно. Его появление было продуманным, выверенным до миллиметра шедевром театрального искусства. На нем был надет роскошный темно-серый кашемировый

свитер с высоким горлом - безупречно чистый, подчеркивающий его седину и широкие плечи. Наверняка подарок Виоллы. Но сама его пластика кричала о безмерном, фатальном страдании. Он шел, тяжело и обреченно опираясь на свой потертый альпеншток, заметно приволакивая ту самую ногу со старой травмой. Он намеренно не надел сверху штормовую куртку, несмотря на ощутимый мороз, чтобы всем своим видом показать, насколько он незащищен, растерян и выбит из колеи.

Он подошел к моей двери. Раздался стук - не требовательный, не властный, а мягкий, интеллигентный, словно стучал тяжелобольной человек, у которого едва хватает сил поднять руку.

Я стряхнула крошки с флисовых брюк, подошла к двери и с глухим лязгом отодвинула массивную щеколду. Я не стала распахивать створку широко и не сделала приглашающего жеста внутрь. Просто осталась стоять на пороге, заполнив собой проем, преграждая путь в мое личное пространство.

Георг тяжело, с надрывом выдохнул. Морозный воздух мгновенно наполнился тонким ароматом его дорогого парфюма с нотами сандала. Он оперся плечом о деревянный косяк, словно его ноги отказывались держать этот вес.

- Улечка... - начал он своим фирменным, бархатным баритоном, в котором сейчас мастерски вибрировали нотки вселенской усталости. - Посмотри, до чего мы довели Витю. Мальчик уехал отсюда с нервным срывом. У него ипотека, дети, а мы с тобой ведем себя как подростки.

Я молчала, глядя прямо в его красивые, умные глаза. Хирургическое вскрытие его слов происходило в моей голове само собой. Он не сказал «я довел». Он сказал «мы». Мгновенный, виртуозный перенос ответственности и попытка связать нас общим чувством вины перед сыном.

- У меня со вчерашнего вечера скачет давление, - продолжил Георг, картинно потирая переносицу свободными пальцами. - Колено раздулось так, что искры из глаз летят при каждом шаге. Я не спал всю ночь. Я заказал для гостей ресторанный еду, нанял девочек из деревни для уборки номеров, все под контролем... Но я даже не смог найти свои таблетки от тахикардии в нашей ванной. Ты ведь всегда клала их на третью полку за зеркалом.

Он сделал паузу, ожидая реакции. Совсем недавно этот страдающий, потерянный тон сработал бы безотказно. Мое сердце бы болезненно сжалось, я бы бросилась в дом искать его тонометр, забыв о том, что еще вчера он предал меня. Я бы снова стала его удобным амортизатором. Но сейчас я смотрела на него и испытывала лишь холодное, отстраненное любопытство исследователя. Георг прекрасно знал, где лежат его таблетки. Ему просто нужно было, чтобы я сорвалась с места, начала суетиться и принесла их, закрепив старый рефлекс прислуги. Он ни разу не извинился. Он вообще стер факт наличия Виоллы из этой речи, словно ее силиконовой палатки никогда не существовало.

- Уля, здесь так холодно и пусто без тебя, - он сделал слабую попытку протянуть руку, чтобы мягко коснуться моего плеча. Классический, закрепляющий жест покровителя.

Я сделала один короткий шаг назад. Его пальцы схватили пустоту. Маска великого страдальца на его лице дрогнула, когда он наткнулся на мой абсолютно ровный, пустой взгляд.

- Давай заканчивать эту забастовку, - его голос чуть утратил бархатистость, в нем прорезались металлические, раздраженные нотки. - Возвращайся в дом. Гости нервничают, бизнес страдает. Мы сядем вечером у камина и спокойно поговорим, как взрослые люди. Я куплю тебе новые инструменты, если хочешь.

- Никакой забастовки нет, Георг, - мой голос прозвучал сухо и плотно, как звук закрывающейся банковской ячейки. Я не стала вспоминать любовницу, не опустилась до базарных упреков. - Есть юридический и фактический статус. Я больше не работаю в твоём приюте и не являюсь твоей женой. Бумаги на развод я подам на следующей неделе. А сейчас мы решим вопрос с имуществом.

Георг замер. Он даже перестал опираться на свой альпеншток, инстинктивно перенеся вес на обе ноги. Вся его «болезненная» слабость мгновенно испарилась.

- Я даю тебе ровно семь дней, - продолжила я, чеканя каждое слово. - Ты выкупаешь мою половину гостевого дома по рыночной стоимости. Деньги переведешь на мой личный счет, одной суммой, чтобы я могла спокойно купить себе жилье и уехать. Либо, если через неделю мы не подписываем соглашение у нотариуса, я официальноставляю свою долю бизнеса на открытые торги. Думаю, конкуренты из соседнего ущелья с огромным удовольствием купят половину твоей легендарной империи.

Лицо моего мужа начало медленно наливаться неровным, кирпичным румянцем. Мышцы на его крепкой челюсти закаменели. До него наконец-то дошло. Он понял, что я не торгуюсь за его внимание, не набиваю себе цену и не жду раскаяния. Я методично, по всем правилам логики ликвидирую наш совместный проект. И удар по его деньгам и статусу оказался для него страшнее любых обвинений в неверности.

- Ты блефуешь, - зашипел он, подавшись вперед. В его глазах полыхнула настоящая, неприкрытая ненависть человека, у которого из-под ног выбивают пьедестал. - Ты ничего не сможешь продать без моего согласия! Я найму лучших адвокатов!

- Семь дней, Георг. Время пошло.

Я не стала слушать его крики. Не стала оправдываться или доказывать свою правоту. Я просто плавно потянула тяжелую дверь на себя и закрыла ее прямо перед его побелевшим лицом. Металлический засов скользнул в паз с резким, финальным щелчком, навсегда отсекая его от моего мира.

Я не прислонялась спиной к двери, не сползала по ней на пол в слезах, как это делают в дешевых мелодрамах. Мое дыхание было абсолютно ровным. Вернувшись к своему столярному верстаку, я взяла в левую руку деревянную фигурку Черного Короля, вырезанную из мореного дуба. В правую руку лег идеально заточенный Анастасом японский штихель.

Я провела большим пальцем по гладкому, безупречному срезу на твердой древесине. Металл снял все лишнее, обнажив чистую, благородную суть материала. Партия нашей совместной жизни официально перешла в жесткий эндшпиль. И мой муж только что осознал, что окончательно потерял в ней свое главное преимущество - свою удобную, безотказную королеву. Я прижала лезвие к дереву и сделала новый, сильный рез. Работы оставалось еще очень много.

Глава 11. Вспышка

Щелчок камеры смартфона прозвучал в тишине мастерской сухо и по-городскому неестественно.

Я отложила кусок плотного войлока, которым втирала льняное масло в основание Черного Короля, и подняла глаза. Анастас вернулся в мою пристройку минут десять назад. Он заглянул ближе к вечеру специально для того, чтобы проверить натяжение металлических струбцин на проклеенном венском стуле - старое буковое дерево могло капризно повести себя при высыхании животного клея. Убедившись, что реставрация идет по плану, мужчина уже собирался уходить, но его взгляд зацепился за мой верстак.

Он отодвинул в сторону стеклянные банки с морилкой, расчистил ровный прямоугольник прямо в золотистой кедровой стружке и выстроил на ней мои новые фигуры.

Это были совсем не те гладкие, безликие, уютные шахматы, которые я десятками вырезала долгими зимами для продажи в местной сувенирной лавке. Армия из реликтового мореного дуба, которую я закончила полчаса назад, получилась пугающей. Угловатые, грубые, с искаженными, анатомически точными суровыми лицами. Они чернели на фоне светлых опилок, словно куски остывшей, но все еще опасной вулканической лавы.

Анастас чуть склонился над столом, выверяя угол, и сделал еще один кадр.

- Зачем ты это фотографируешь? - спросила я, вытирая ладони чистой ветошью. Мой голос в выстуженном помещении прозвучал чуть хрипло от долгого молчания.

- Свет сейчас правильный, - просто и ровно ответил он. Мужчина даже не оторвал взгляда от экрана телефона, смещая объектив чуть вправо. - Солнце уже село за перевал, тени ложатся глубоко. Фактуру мертвого дуба очень хорошо видно именно в таком косом освещении. Плюс контраст со свежей стружкой.

Он не стал рассыпаться в дежурных комплиментах. Не произнес ни единого слова о том, что это искусство или что в этих фигурах застыла вся моя невысказанная ярость последних двух дней. Анастас вообще не лез в те углы чужой души, куда его не приглашали. Он просто спрятал телефон в карман своей потертой фланелевой рубашки в крупную клетку, подошел к свободному табурету и снял со спинки тяжелую брезентовую куртку цвета хаки. Неспешно надел ее, застегнув пуговицы до самого горла.

- Клей схватился намертво, волокна не поползли, - констатировал он, кивнув в сторону зажатого в металл стула. - Завтра утром сниму зажимы и заберу его к себе в цех на шлифовку. До завтра, Ульяна.

- До завтра, Анастас.

Дверь пристройки закрылась, сухо щелкнув замком, и тяжелые шаги реставратора быстро растаяли в сгущающихся сумерках заднего двора.

Я осталась одна. Синий, колючий горный полумрак начал стремительно заползать в узкие окна мастерской. Температура воздуха падала с каждой минутой. Старый масляный радиатор в углу усердно щелкал реле, пытаясь нагреть помещение, но его мощности хватало лишь на то, чтобы отгонять ледяной сквозняк в радиусе полуметра от себя. Из рта при каждом выдохе уже вырывались едва заметные, прозрачные облачка пара.

Чтобы не замерзнуть ночью насмерть, нужно было растопить кирпичную печь-голландку, занимавшую часть стены у входа. Но дровяной ящик в мастерской оказался пуст. Вся обрезь и щепки ушли на растопку еще ранним утром.

Я стянула рабочие перчатки, сняла с крючка свою темно-синюю мембранную куртку и накинула ее прямо поверх толстого шерстяного свитера. Застегнула молнию до подбородка, подхватила с пола плотную брезентовую переноску с двумя прочными ручками и вышла на улицу.

Воздух был обжигающим. Он пах близким снегом, морозным камнем и горьковатым дымом из печных труб соседних домов Тумановой Пади. Под подошвами моих жестких треккинг-ботинок монотонно захрустел подмерзший мелкий гравий.

Основной запас сухих колотых дров всегда хранился под массивным навесом, который примыкал к главной открытой террасе второго этажа нашего гостевого дома. Мне нужно было пересечь двор и зайти на территорию, которая юридически еще считалась общей, но фактически уже стала для меня абсолютно чужой зоной.

Пока я шла к навесу, мое тело инстинктивно сжалось, ожидая привычной мышечной тяжести. Десятки лет я бегала по этому самому двору, сгибаясь под весом огромных пакетов с фермерским мясом, мукой, сахаром и картофелем. Я носила тяжести, чтобы накормить толпу чужих, состоятельных людей и обеспечить безупречную репутацию своему мужу. Я знала каждую выбоину на этой дорожке. А сейчас в моей руке болталась легкая брезентовая ткань. И дрова, которые я собиралась принести, предназначались исключительно для того, чтобы согреть меня саму. От этого простого, эгоистичного осознания в груди вдруг стало на удивление легко и просторно.

Я подошла к поленнице. В густой тени под навесом пахло берестой и сухой древесной пылью. Я наклонилась, выбирая не слишком толстые поленья, которые быстрее займутся огнем, и начала методично, одно за другим, укладывать их в переноску. Сухое дерево звонко, с приятным глухим стуком билось друг о друга.

- ...и это совершенно не то, о чем мы договаривались в Москве, Георг.

Голос прозвучал прямо над моей головой. Резкий, чистый, лишенный всяких эмоций. Голос Виоллы Синецкой.

Я замерла, так и не выпустив из руки очередное березовое полено. Настил террасы второго этажа был сделан из плотно подогнанных лиственничных досок, но звук в морозном воздухе летел вниз с пугающей акустической точностью. Сверху прямо на серый гравий у моих ног упал крошечный, тлеющий столбик сигаретного пепла и мгновенно погас во льду. Виолла вышла на открытый балкон покурить, а мой муж, судя по тяжелым, шаркающим шагам, вышел следом за ней.

Я не стала прятаться за поленницей от испуга, не стала вжимать голову в плечи. Я просто осталась стоять в густой вечерней тени, не желая выдавать своего присутствия. Выйти сейчас - значило бы спровоцировать глупый, суетливый диалог, разменивать свою с таким трудом обретенную ясность на чужие взгляды и нелепые оправдания. Моя квота на разговоры с этими людьми была полностью исчерпана еще утром.

- Виолла, успокойся, это просто временные технические накладные, - донесся сверху бархатный, глубокий баритон мужа. Он старательно, но с заметным напряжением пытался включить свою фирменную магию укротителя бурь. - Моя жена повела себя... не совсем адекватно. Возрастной кризис, помноженный на банальную женскую ревность. Но я все взял под контроль. Девочки из поселка уже убирают ваши номера.

- Твой контроль - это курам на смех, - сухо, словно отрезая кусок жести тупыми ножницами, парировала Виолла. - Девочки из поселка помыли полы дешевой хлоркой, от которой у половины моей группы теперь мигрень. А ресторанная еда в пластиковых термобоксах, которую ты сегодня заказал из райцентра - это пошлость. Потрясающая, отвратительная пошлость для эко-тура за такие деньги. Мои клиенты приехали сюда за аутентичностью, за легендой. А получили придорожный мотель с перебоями горячей воды.

Я едва заметно усмехнулась в темноте, прижимая холодное полено к бедру. Конечно, Георг не был бытовым инвалидом. Поняв, что остался без повара, он оперативно достал телефон и залил проблему деньгами, заказав готовую премиальную еду. Вот только он совершенно не учитывал, что столичные инвесторы платят двойной тариф не за пластиковые лотки, какими бы дорогими они ни были. Они платят за иллюзию уютного домашнего очага, за запах свежей

выпечки и тот самый невидимый каторжный труд, который я обеспечивала десятилетиями. Фасад без фундамента оказался абсолютно неликвиден.

- Девочка моя, - интонации Георга стали еще более вкрадчивыми, бархат в его голосе загустел до состояния липкой патоки. Я почти физически видела, как он сейчас подается вперед, пытаясь заглянуть ей в глаза. - Горы всегда проверяют нас на прочность. Эта мелкая бытовая суeta не стоит твоих нервов. Подумай о тех эксклюзивных северных маршрутах, которые мы с тобой запустим в следующем сезоне. Подумай о наших вершинах.

Раздался тихий, короткий женский смешок. В нем не было ни капли той мурлыкающей, грудной покорности, с которой Виолла смотрела на него у раздаточного кухонного окна еще вчера утром.

- Оставь этот бархат для своих туристок-первогодок у ночного костра, Георг. На меня это больше не работает, - ее тон стал холодным и абсолютно деловым. Так говорят в стеклянных переговорных комнатах, когда решают судьбу обанкротившейся компании. - Ты отличный, статусный фасад. Живая легенда с красивой сединой. Но за фасадом - гнилые руины. И я не собираюсь заливать свои деньги в дырявое ведро.

Шаги над головой скрипнули по промерзшим доскам. Виолла затушила сигарету.

- Я готова спасти твой приют, - продолжила она, чеканя каждое слово. - Я найму профессионального шеф-повара из города, привезу нормальных, обученных администраторов, заменю эту старую рухлядь в бойлерной. Но я мыслю исключительно категориями окупаемости и гарантий. Завтра утром мы садимся и пишем предварительный договор. Сорок процентов в доле твоего бизнеса переходят мне. Юридически и официально. В обмен на полное покрытие текущих убытков и мои инвестиции.

Я перестала дышать, вслушиваясь в плотную тишину, повисшую над террасой.

Мой мозг работал с холодной, хирургической четкостью. Картинка сложилась в идеальный, безжалостный пазл. Днем я дала мужу ровно семь дней на то, чтобы он выкупил мою половину гостевого дома наличными, иначе я продам ее с открытых торгов. Свободных денег у него не было - все средства он тратил на поддержание своего дорогого имиджа и статусные безделушки. И вот теперь его любовница буднично, как хищник, почуявший кровь, требует отдать ей вторую половину. Великий Король Горы, непогрешимый покоритель стихий оказался зажат в мертвые тиски между двумя женщинами. Одна забирала свое законное имущество, другая покупала его с потрохами за долги.

- Виолла, это шантаж, - голос Георга дрогнул. В нем прорезалась неконтролируемая, липкая старческая паника. Бархат окончательно исчез, обнажив испуганного, суетливого человека, который на глазах терял свою империю. - Мы же партнеры. Мы же были вместе там, на плато...

- На плато был отличный секс и много адреналина, - перебила она его с брезгливой усталостью. - А здесь - суровый бизнес. Подумай до утра, Георг. Или я увожу свою группу в соседнее ущелье, и после моих отзывов к тебе больше не придет ни один серьезный клиент. Спокойной ночи.

Стеклянная дверь на террасу громко хлопнула, отсекая Виоллу от морозного воздуха. Через несколько долгих, тяжелых секунд медленно, с явным приволакиванием больной ноги, ушел внутрь и мой муж.

Я стояла в темноте дровяного навеса. Никакого злорадства, никакого ликования обиженной жены, дождавшейся мгновенной кармы, в моей душе не было. То, что я сейчас услышала, было абсолютно закономерным финалом. Если ты сорок лет строишь свой пьедестал из чужого терпения, крови и пота, считая всех вокруг лишь удобными равнинами для своих нужд, однажды ты обязательно провалишься в пустоту. Георг сам выставил себя на витрину, и теперь его просто цинично покупали по оптовой цене.

Я аккуратно положила последнее березовое полено поверх остальных. Взялась за прочные ручки брезентовой переноски, распрямила уставшую поясницу и уверенно вышла из густой тени на выбеленный морозом двор.

Вернувшись в свою мастерскую, я плотно закрыла деревянную дверь и задвинула тяжелый стальной засов. Железный щелчок прозвучал в тишине как выстрел стартового пистолета к новой жизни.

Я подошла к печи-голландке. Сбросила дрова на металлический притопочный лист. Смяла кусок старой газеты, уложила сверху несколько тонких сухих щепок и кудрявую бересту, а затем выстроила правильную пирамиду из березовых поленьев. Достала из кармана флисовых брюк коробок спичек.

Огонь занялся сразу. Желто-оранжевые языки жадно лизнули сухую кору, по пристройке мгновенно поплыл густой, уютный запах древесного дыма. Печь одобритительно загудела, втягивая ледяной воздух в трубу с ровной, мощной тягой.

Я опустилась на низкий деревянный табурет прямо перед открытой топкой. Сняла мембранную куртку, позволяя жару коснуться грубой шерсти моего свитера. Протянула к огню озябшие руки. Костяшки пальцев под бактерицидными пластырями слегка ныли от холода и недавней работы резцом, а правое плечо все еще хранило фантомную боль от грубой хватки Виктора.

Свет от пламени мягко метался по тесному помещению, выхватывая из полумрака ряды моих инструментов, тяжелые шлифовальные станки и выстроенные на столе черные, агрессивные фигурки из мореного дуба. Мой мир сжался до размеров этой холодной пристройки, но впервые за шестьдесят пять лет он принадлежал только мне.

Слушая, как за тонкими стенами воеет набирающий силу вечерний горный ветер, я смотрела на танцующий огонь. Георг уже проиграл обеим женщинам, окончательно запутавшись в собственной лжи и бесконечном тщеславии. Кольцо вокруг его горла сжалось, перекрывая кислород. Но эта мысль скользнула по моему сознанию и исчезла, не оставив после себя ничего, кроме глубокого, физически ощутимого покоя. Это больше не моя война. Я закрыла тяжелую чугунную дверцу печи, взяла с верстака кусок мелкой, финишной наждачной бумаги и вернулась к полировке Черного Короля. Работы было еще очень много.

Глава 12. Деревенский хор

Короткая, сухая вибрация мобильного телефона на краю верстака нарушила утреннюю тишину мастерской. Экран мигнул, высветив одно новое сообщение. Я отложила металлический совок, которым выгребала серую золу из остывшей за ночь печи-голландки, и взяла аппарат в руки.

Писал Анастас. «Доброе утро. Скинул вчерашние фото одному старому знакомому галеристу в столицу. Он впечатлен качеством и материалом. Просит подготовить фигурки к отправке, хочет посмотреть вживую. За стулом зайду ближе к обеду».

Я перечитала эти три строчки дважды. Внутри не екнуло от восторга, не было суетливой радости - лишь спокойное, теплое удовлетворение ремесленника, чей труд наконец-то оценили за пределами узкого домашнего мирка. Я заблокировала экран, собираясь ответить позже, но в этот самый момент тишину разорвал другой звук.

- Улька, открывай! Вижу же, что из трубы свежий дым идет, не притворяйся, что оглохла!

Громкий, нетерпеливый стук сотряс толстые доски моей двери. Звук ударов был бесцеремонным, суетливым и насквозь фальшивым. Отодвинув стальной засов, я едва успела сделать шаг назад. Лидия Онопко, наша бессменная соседка и администратор единственного в Тумановой Пади крупного магазина туристического снаряжения, буквально ввалилась в мастерскую.

Вместе с ней внутрь ворвались клубы белого морозного пара и густой, агрессивный запах дешевой цветочной отдушки стирального порошка, намертво въевшийся в ее пухлую синтетическую куртку. Этот резкий, химический аромат мгновенно вступил в конфликт с моим воздухом, пахнувшим кедровой стружкой, льняным маслом и старым металлом.

- Пусти погреться, мороз на улице лютый, щеки аж горят, - Лидия по-хозяйски отряхнула снежную пыль с тяжелых зимних ботинок прямо у порога и протопала в центр пристройки, словно к себе домой.

Ее цепкий, оценивающий взгляд местной торговли мгновенно пробежался по углам моего нового жилища. Она отметила всё: и узкую жесткую кровать в углу, и старый масляный радиатор, и сохнувший в металлических трубах чужой венский стул, и ряды идеально наточенных стамесок на стене. В ее водянистых глазах не было ни капли искреннего сочувствия. Там плескалось липкое, жадное любопытство человека, пришедшего посмотреть на пожар в чужом доме и заодно погреть у него руки.

В толстых шерстяных варежках Лидия держала стеклянную литровую банку с домашним малиновым вареньем, заботливо перевязанную поверх крышки клетчатой тканью. Классический деревенский жест примирения. Безотказный предлог для визита, когда нужно проникнуть на чужую территорию и собрать свежие сплетни под видом соседской заботы.

- Вот, держи, - она со стуком поставила банку на край моего чистого верстака, едва не задев деревянную заготовку. - Свежее, летнее. От простуды самое то, а то замерзнешь тут насмерть в своем сарае из-за женской дурости.

Я молча прикрыла входную дверь, отсекая гуляющий по полу ледяной сквозняк, но засов задвигать не стала. Вернулась к своему рабочему табурету и опустилась на него, сложив руки на коленях, обтянутых плотным флисом. Я не предлагала ей чаю, не суетилась, не поддерживала привычный, выученный ритуал гостеприимства. Я просто смотрела на нее, ожидая, когда она вывалит то, ради чего на самом деле пришла.

Лидия не заставила себя долго ждать. Не получив приглашения присесть, она оперлась бедром о край стола и начала свою сводку с фронта, понизив голос до доверительного, заговорщицкого шепота.

- Твой-то с самого рассвета всех на уши поднял, - сообщила она, и в ее тоне скользнуло невольное, тщательно скрываемое удовольствие от чужих проблем. - На костыле своем ска-

чет, распоряжения раздает, как генерал раненый. Нанял наших девок, Зинку с Машей, чтобы номера убрали и на кухне шуршали. Платит втридорога, наличными прямо в руки. Девки обрадовались, прибежали с ведрами. Да только эта его москвичка, Виолла ваша, такой скандал с утра закатила!

Лидия театрально всплеснула руками.

- Представляешь, девки полы в столовой вымыли с нашей обычной хлоркой, как в поселковой школе моют, а у столичной фифы, видите ли, мигрень от запаха началась. Орала так, что на улице было слышно. Кричала, что ее клиенты приехали за экологией и травами, а не токсины ваши нюхать. Зинка с Машей в слезах ушли, тряпки бросили.

Я слушала этот торопливый репортаж и не чувствовала абсолютно ничего, кроме холодного, отстраненного понимания физики процессов. Георг никогда не был бытовым инвалидом, он прекрасно умел делегировать задачи и швыряться деньгами. Но он совершенно не учитывал главного. Его состоятельные инвесторы платили двойной тариф не за сам факт вымытых полов. Они платили за иллюзию уютного, первозданного горного очага. За тонкий запах хвои и дорогого воска, которым я лично, стоя на коленях, натирала деревянные панели. За невидимый, каторжный труд, который не оставлял после себя едкого запаха дешевого санитарного геля. Фасад без моего фундамента стремительно превращался в убогий придорожный мотель.

- А с едой что творится! - Лидия не унималась, наслаждаясь звуком собственного голоса. - Георг вчера вечером из ресторана в райцентре доставку заказал. Мясо там, закуски всякие. Все дорогое, спору нет. Но привезли-то все в пластиковых лотках и фольге! Туристы в столовой сидят, ковыряются в этих контейнерах, переглядываются. Они же привыкли, что ты им пироги с брусникой из печи достаешь на горячей керамике. Короче, бунт там назревает, Уля. Империя ваша по швам трещит.

Она замолчала, тяжело переводя дух и внимательно вглядываясь в мое лицо. Соседка откровенно ждала от меня реакции. Ждала, что я сейчас удовлетворенно усмехнусь, или злобно потру руки, или, что еще лучше, начну причитать и жалеть свой разрушенный дом. Но я продолжала молча смотреть на ее обветренные руки с облупившимся лаком.

Поняв, что дешевая драма не сработала, Лидия перешла к главной фазе своего визита. К трансляции тяжеловесной, токсичной общественной «мудрости».

- Уль, ну сколько можно дурить? - ее голос стал мягким, тягучим, полным того самого липкого увещевания, которым в деревнях веками принято гасить любые женские бунты. - Ну показала характер, ну напугала мужика, и хватит. Пора честь знать. Собирай вещи и иди в дом. Весь поселок гудит, пальцем на вас тычут. У тебя же дом - полная чаша! Ты хозяйка, ты уважаемый человек! Ну погулял мужик, с кем не бывает? Бес в ребро. Он же у нас кто? Легенда! Достояние Тумановой Пади! Вокруг него всегда эти столичные фифы вились, молодые да глупые. Ему по статусу положено внимание принимать. Потешит свое эго, перебесится и останется с тобой. А ты из-за одной паршивой измены всё разрушить готова!

Я сидела неподвижно. Внутри меня было тихо, как в вымороженном лесу перед снегопадом. Никакой обиды на ее слова не возникало, только кристальная, режущая ясность. Лидия говорила не со зла. Она говорила так, как была запрограммирована думать вся ее жизнь. В ее системе координат женщина не имела абсолютно никакой собственной ценности вне статуса замужней хозяйки.

Но затем, пытаясь добить меня своими железобетонными аргументами, Лидия совершила фатальную ошибку. Она слишком увлеклась ролью мудрого миротворца и неосторожно проговорила.

- Ты пойми, Уля, мы же не слепые, - она доверительно подалась вперед, дыхнув на меня ароматом мятных леденцов. - Мы же всем поселком последние лет десять видели, как он глазками на этих москвичек стрелял. То за талию кого на тропе придержит дольше нужного, то байку у костра рассказывает, наклонившись к клиентке так, что искры летят. Все местные бабы

шушукались, смеялись над его павлиньими замашками. Но мы же молчали, Уля! Мы ни разу тебе слова дурного не сказали, сплетен не носили! Мы вашу семью берегли! Не лезли в чужую избу, чтобы тебе больно не делать!

Последняя фраза повисла в холодном воздухе мастерской, тяжелая и грязная, как ком мокрой глины.

Внутри моего сознания произошел короткий, бесшумный щелчок. Пазл, которого мне не хватало все эти дни, встал на свое место, окончательно замкнув картину моего прошлого. До меня вдруг дошла страшная, тошнотворная в своей простоте суть.

Дело было не только в Георге и его лжи. Оказалось, что весь наш идеальный брак был коллективной иллюзией, и весь поселок активно участвовал в этом грандиозном спектакле. Десятилетиями мои соседи, эти добрые, простые люди, смотрели на меня каждый день и всё знали. Они видели мелкие интрижки моего мужа, его зашкаливающий нарциссизм, его потребительское отношение ко мне. И они коллективно решили, что это нормально. Они считали абсолютной нормой, что я, стареющая, уставшая женщина с содранными в кровь руками, служу удобной, бесплатной декорацией при местной достопримечательности.

Они не мою семью берегли своим добродетельным молчанием. Им просто нужен был бесперебойно функционирующий «Приют Строгановых». Потому что живая легенда Георг привлекал в ущелье богатых туристов. А туристы покупали у Лидии в магазине дорогие спальные и газовые горелки, нанимали местных парней в носильщики, раскупали фермерский сыр и молоко. Я была просто невидимой, безотказной тягловой лошадью, которая молча тащила на себе экономику их маленького туристического рая.

И сейчас Лидия пришла не спасти мою женскую душу. Она пришла загнать взбунтовавшуюся лошадь обратно в теплое стойло, потому что без меня их главный финансовый аттракцион начал стремительно идти ко дну.

Я медленно поднялась с табурета. Мои движения были абсолютно лишены суеты или агрессии. Мой позвоночник выпрямился, расправляя уставшие плечи. Я взяла с верстака стеклянную банку с малиновым вареньем. Стекло было липким и холодным.

Я подошла к Лидии вплотную и спокойно, но с такой непреодолимой, тяжелой силой втиснула банку обратно в ее руки, что она инстинктивно отшатнулась назад.

- Вы не мою семью берегли, Лида, - мой голос прозвучал так ровно и плотно, словно я забивала гвозди в толстую дубовую доску. - Вы свой местный цирк-шапито обслуживали. Вам всем было очень удобно смотреть на этого сверкающего павлина, пока я за ним дерьмо убирала. И вы до одури боялись, что если я узнаю правду и уйду, туристы перестанут нести вам денежки.

Лидия замерла. Ее рот полуоткрылся, глаза удивленно моргнули. Маска заботливой соседки с треском лопнула, обнажив жалкую растерянность человека, чью истинную мотивацию только что вытащили на яркий, безжалостный свет.

- Так вот, Лидия, - продолжила я, глядя прямо в ее бегающие зрачки. - Моя вахта официально окончена. Я в вашем цирке билеты больше не продаю, полы не мою и слепых не играю. Идите домой. И можете рассказать всему поселку, что удобная Ульяна сошла с ума. Мне абсолютно плевать.

Лицо соседки мгновенно пошло неровными, багровыми пятнами. Унижение от того, что ее раскусили так легко и без скандала, лишило ее последних остатков показного сочувствия. Она крепко прижала банку к груди, словно защищаясь от удара.

- Я к тебе с душой пришла, по-человечески! - ее голос сорвался на визгливую, базарную ноту, обнажая ее истинную суть. - А ты гордыню свою тешишь! Ну и сиди тут! Посмотрю я, как ты запоешь, когда он эту москвичку хозяйкой в дом введет, а ты со своими деревьяшками в сарае от голода взвоешь! Никому ты не нужна, старая дура!

Она круто развернулась, тяжело и зло ступая зимними ботинками по дощатому полу, и выскочила на улицу. Дверь за ней не захлопнулась до конца, отскочив от кривого косяка.

Я подошла к порогу. Воздух был обжигающим, он пах близким снегом и морозным камнем. Я смотрела, как грузная фигура Лидии торопливо удаляется по тропинке к главным воротам приюта, сухо хрустя мелким гравием. В этот момент я физически ощутила, как лопается последняя невидимая социальная пуповина, связывавшая меня с чужими ожиданиями. Страх перед тем, «что скажут люди», умер окончательно и бесповоротно. Никто из этих людей не стоял у раскаленной профессиональной плиты по четырнадцать часов в сутки, никто не стирал в кровь костяшки пальцев, вычищая чужую грязь, и никто из них не имел ни малейшего права судить мой выбор.

Вернувшись в мастерскую, я плотно закрыла входную дверь. Затем подошла к окну и приоткрыла узкую форточку. В помещение мгновенно ворвался ледяной горный сквозняк, выветривая липкий, тошнотворный запах цветочной отдушки и чужих сплетен. Мне нужен был чистый воздух.

Я не стала садиться за верстак и задумчиво перебирать свои инструменты, погружаясь в бессмысленную рефлексию. Рефлексия закончилась. Наступало время физических действий, направленных в мое собственное будущее.

Слова из утреннего сообщения Анастаса пульсировали в голове четким алгоритмом. Я подошла к стеллажу и стянула с верхней полки прочный, сколоченный из тонкой фанеры ящик. Поставила его на рабочий стол, смахнув древесную пыль. Достала рулон плотной, шершавой крафтовой бумаги и острым японским ножом быстро нарезала ее на ровные, одинаковые прямоугольники.

Мои руки работали с привычной, успокаивающей ритмичностью. Я брала каждую черную, агрессивную фигурку из мореного дуба, вырезанную на голых эмоциях в первые дни моего бунта, и бережно, в несколько слоев, заворачивала ее в крафт. Древесина, пролежавшая тысячи лет на дне болот, была тяжелой, плотной и холодной. Я укладывала тугие свертки на дно фанерного ящика, выстраивая их ровными рядами, словно маленькую, но очень сильную армию.

Затем я взяла плотный холщовый мешок с сухой, чистой кедровой стружкой, оставшейся от прежних работ, и щедро засыпала пустоты между свертками. Стружка пружинила, создавая надежную, ароматную подушку, которая не позволит мертвому дубу разбиться при долгой транспортировке. Запах живой смолы и натурального дерева окончательно вытеснил из мастерской все следы утреннего визита соседки.

Накрыв фигурки последним листом бумаги, я положила сверху фанерную крышку. Взяла из лотка горсть маленьких обойных гвоздей и легкий столярный молоток с удобной рукоятью.

Тук. Тук. Тук.

Глухие, звонкие удары металла по шляпкам гвоздей разносились по холодной пристройке. Каждый забитый гвоздь звучал как точка в длинном, утомительном предложении моей прошлой жизни. Я запечатывала в этот прочный ящик не только свой многочасовой труд, но и свою многолетнюю покорность, свой страх остаться одной, свою готовность быть удобной тенью для чужого величия.

Я ударила молотком в последний раз, намертво фиксируя угол крышки. Ящик был готов. Он стоял на верстаке, надежный, тяжелый, мой. Завтра утром я отнесу его на поселковую почту. Что бы ни происходило сейчас за стенами моей мастерской, как бы ни бесновался Георг на своих костылях и ни скандалила его столичная инвесторша, мой личный маршрут был проложен. И этот маршрут вел только вперед.

Глава 13. Земля под ногами

Утро началось с тяжести. Физической, тянущей тяжести фанерного ящика, в который я вчера вечером заколотила армию из реликтового мореного дуба. Я несла его к поселковому отделению почты по узкой каменистой обочине, старательно обходя скользкие, прихваченные ночным морозом лужи. Мои треккинг-ботинки монотонно хрустели по гравию.

После вчерашнего визита Лидии Онопко Туманова Падь изменилась. Сквозь окна местного магазина снаряжения и из-за низких заборов я ловила на себе десятки косых, цепких взглядов. Соседи, которые десятилетиями здоровались со мной с почтительной, фальшивой улыбкой, теперь отворачивались или провожали меня напряженным молчанием. Деревенский хор уже вынес свой вердикт: сумасшедшая баба на старости лет разрушила великую семью. Но удивительное дело - этот коллективный остракизм больше не обжигал меня чувством вины. Я шла по улице, чувствуя запах близкого снегопада, и несла в руках свой собственный, откровенный у иллюзий смысл.

Оформив отправку посылки в Москву, я вернулась в свою промерзшую за ночь пристройку. Растопила печь-голландку, методично смела с верстака остатки кедровой стружки. И именно в этот момент, когда я протирала лезвие узкой стамески ветошью, пропитанной техническим маслом, жесткий корпус моего смартфона коротко и сухо завибрировал на деревянной столешнице.

Экран мигнул, разрезав полумрак мастерской резким светом. На дисплее висело свежее push-уведомление от банковского приложения.

Я отложила инструмент и взяла телефон. Мой личный, давно забытый и почти пустой счет, на который когда-то падали редкие копейки от продажи сувенирных деревянных брелоков, изменился. Туда только что поступил перевод. Шесть цифр. Колоссальный, пугающий своей реальностью аванс от столичного галериста. Анастас был прав: на серьезном арт-рынке репутация мастера и качественные фотографии иногда значат больше, чем физическое присутствие предмета. Эксцентричный коллекционер перевел невозвратный задаток, чтобы застолбить за собой эту партию шахмат еще до того, как посылка пересечет границу нашего района.

В дешевых романах женщины моего возраста, внезапно получив такие деньги, начинают плакать от счастья, планировать покупку дорогих нарядов, звонить подругам или мчаться в спа-салон доказывать миру свою новую состоятельность. Но я лишь медленно опустила на жесткий рабочий табурет и сделала глубокий, прерывистый вдох.

Внутри меня устанавливалась непривычная, звенящая, математическая тишина. Эти цифры на экране не были для меня билетом в красивую жизнь. Они были материальным, тяжелым и осязаемым доказательством того, что мои руки имеют самостоятельную ценность. Сорок лет я растворяла свой каторжный труд в чужом комфорте. Георг выдавал мне наличные из домашнего сейфа на закупку фермерского мяса, постельного белья и чистящих средств. Он контролировал все финансовые потоки нашего приюта, потому что именно он был "лицом" и "легендой" бизнеса, а я - лишь невидимой, безотказной шестеренкой в подвале. И вот сейчас эта шестеренка обрела собственный, независимый вес.

Я разблокировала экран, открыла браузер и зашла на сайт юридического агентства в райцентре, вкладку которого заботливо сохранила еще вчера ночью. Не колеблясь ни секунды, я перевела значительную часть полученного аванса по указанным реквизитам. Оплата экстренного выезда высокооплачиваемого специалиста. Мой первый личный вклад в демонтаж той душливой декорации, в которой я жила десятилетиями.

Ближе к двум часам дня тишину заднего двора разорвал шелест шин. Это был не тяжелый рокот дизельного грузовика фермера и не густые басы дорогих туристических внедорожников.

Обычный городской седан службы такси аккуратно остановился у служебных ворот, хрустя подмерзшим гравием.

Из машины вышла женщина. Маргарита Львовна. Я видела ее фотографию на сайте агентства, но вживую она выглядела еще более резкой, собранной и лишенной всяких сантиментов. На вид ей было чуть за пятьдесят. Прямое графитовое пальто из качественной шерсти, короткая асимметричная стрижка и тот самый цепкий, абсолютно неромантичный взгляд профессионального хирурга, который каждый день копается в чужих разводах, банкротствах и скрытых долгах. Едва ступив на колючий морозный воздух Тумановой Пади, она достала из кармана зажигалку и с сухим щелчком прикурила тонкую сигарету.

Я приоткрыла дверь мастерской, впуская ее внутрь. Вместе с Маргаритой в пропахшее нагретым кедром, золой и льняным маслом помещение ворвался густой, горький аромат крепкого эспresso и хорошего табака. Этот городской, жесткий запах мгновенно вытеснил из углов остатки домашнего уюта, окончательно превратив мою пристройку в операционный зал.

- Ульяна Петровна, - вместо классического приветствия коротко кивнула она, бросив быстрый, оценивающий взгляд на мои идеально наточенные инструменты. - Колоритно у вас тут. Но давайте не тратить время. Я успела поднять электронные базы Росреестра и вытащить кадастровые выписки перед выездом, как вы и просили.

Маргарита не стала разводить фальшивое сочувствие или задавать глупые вопросы о моей женской доле. Она расстегнула молнию своей объемной кожаной сумки и вытащила толстую картонную папку. Прямо поверх золотистой древесной пыли на моем верстаке легли плотные белые листы бумаги, испещренные синими прямоугольниками печатей и штрих-кодами.

- Ваш муж - классический, хрестоматийный самоуверенный нарцисс, - будничным, ровным тоном констатировала аудитор, машинально стряхивая невидимую соринку с рукава своего пальто. - И это эго только что сыграло с ним злую шутку. Смотрите сюда.

Ее ухоженный ноготь уперся в строчку на первом листе.

- Огромный трехэтажный сруб гостевого дома, новые пристройки для хранения снаряжения, террасы, баня - все это строилось и вводилось в эксплуатацию в период вашего законного брака. Это железобетонно совместно нажитое имущество. Юридически Георг Николаевич имеет полное право распоряжаться своей половиной здания. Он может попытаться ее продать, заложить банку или подарить своей любовнице.

Она сделала паузу, выразительно посмотрев мне в глаза.

- Но есть один фатальный нюанс, который ваш муж в своем величии просто проигнорировал. Двадцать соток земли у подножья горы, на которых стоит весь этот масштабный комплекс - это ваше личное, добрачное наследство от бабушки. По закону эта земля не подлежит разделу при разводе. Георг годами возводил на ней свои новые корпуса, заливал бетонные фундаменты, ставил красивые заборы, искренне считая вас своей вечной, неотделимой функцией. Ему даже в голову не пришло как-то юридически закрепить свое право на сам участок, выкупить долю или оформить официальную долгосрочную аренду. Его монументальный дом висит в воздухе, Ульяна Петровна.

Я смотрела на сухие, казенные строчки официальных документов, и внутри меня медленно, со скрипом проворачивался огромный механизм справедливости. Георг всегда называл этот приют своим единоличным детищем. Он упивался ролью хозяина горы, снисходительно позволяя мне мыть полы и стирать белье в его королевстве. А на деле вся его империя стояла на моей земле. Буквально.

Маргарита пододвинула ко мне заранее распечатанный бланк и шариковую ручку.

- Это официальный запрет собственника на использование земельного участка в коммерческих целях без переоформления договора. Ставьте подпись. С этой минуты любая гостиничная деятельность, сдача номеров, организация туров или продажа долей бизнеса на этой территории юридически невозможна без вашего согласия. Ловушка захлопнулась.

Я взяла ручку. Мои пальцы, еще хранившие фантомную боль от грубой хватки сына, сработали идеально четко. Синие чернила плавно легли на бумагу, оставляя мой твердый, выверенный росчерк.

- Идемте, - сказала я, снимая с крючка свою темно-синюю мембранную куртку. Я накинула ее прямо поверх плотного шерстяного свитера, застегнула воротник до самого подбородка и толкнула тяжелую деревянную дверь мастерской.

Мы вышли во двор. Воздух был колючим, влажным. Я окинула взглядом территорию гостевого дома, отмечая суетливые, уродливые перемены. Георг явно не сидел сложа руки, он отчаянно пытался спасти свой тонущий корабль. Мимо нас, спотыкаясь, пробежала местная девчонка из поселка с тяжелым пластиковым ведром и шваброй. От нее за версту несло дешевой, едкой хлоркой - Георг нанял деревенских за наличные, чтобы заткнуть дыру в уборке номеров. Воздух, который раньше пах моей свежей выпечкой, розмарином и хвоей, теперь вонял больницы стерильностью и паникой. У ворот суетились несколько туристов, молча и раздраженно загружая свои рюкзаки в багажники машин.

Мы направились к главной открытой террасе второго этажа, куда вела широкая наружная лестница из мореной лиственницы. Там, за большим дубовым столом, где раньше Георг по утрам травил свои байки, сидели трое.

Мой муж выглядел осунувшимся, словно за эти пару дней постарел на пять лет. На нем был надет идеальный графитовый свитер, его седина безупречно лежала волнами, но в резких движениях рук сквозила нервная, загнанная торопливость.

Напротив него сидела Виолла. В своем непрактичном бежевом кашемировом пальто она больше не смотрела на него с той влажной, мурлыкающей поволокой, как у ночного костра. Теперь ее взгляд был холодным, скучающим и прагматичным.

А с края, ссутулившись на деревянной скамье, сидел мой сын Виктор. Видимо, утренний звонок отца заставил его развернуться на половине пути к городу и снова примчаться в Туманову Падь. Бледный, с глубокими тенями под глазами от недосыпа, он сверлил взглядом столешницу, словно приговоренный к казни. Он приехал защищать свое будущее наследство, но оказался бессилён перед катастрофой.

- Сорок процентов, Георг, - голос Виоллы донесся до нас еще на подходе. В нем звенел холодный металл столичных переговоров. - Я закрываю твою текущую финансовую дыру. Я прямо сейчас оплачиваю возвраты туристам, которые сегодня утром отменили брони из-за холодного душа и сырой еды в пластиковых контейнерах. Я привожу сюда нормального менеджера из Москвы. Взамен ты подписываешь предварительный договор о передаче мне сорока процентов доли в твоём бизнесе. Иначе я умываю руки, увожу свою группу к твоим конкурентам в соседнее ущелье, и к концу сезона ты остаешься полным банкротом.

Виктор дернулся, словно от хлесткой пощечины. Он понимал, что прямо сейчас его отец за бесценку продает чужой женщине огромный кусок их семейного бизнеса, то самое заветное имущество, ради которого сын еще вчера выкручивал мне руки. Но страх перед непререкаемым авторитетом Георга был слишком силен - Виктор промолчал, до хруста сцепив пальцы в замок.

Мои жесткие треккинговые ботинки гулко ступили на доски террасы. Звук шагов заставил всех троих резко повернуть головы в мою сторону.

Лицо Георга мгновенно скривилось от привычного, снисходительного раздражения. Он инстинктивно втянул живот, выпрямил спину и попытался включить свой бархатный баритон укротителя бурь, уверенный, что я пришла устраивать базарную сцену из ревности.

- Ульяна, ты совершенно не вовремя. У нас здесь закрытые деловые переговоры, - высокомерно бросил он, прикрывая широкой ладонью разложенные на столе бумаги Виоллы. - Твои семь дней на обиды еще не вышли. Я все решу сам, просто вернись в свою пристройку и не устраивай спектаклей перед инвестором.

Я не удостоила его ответом. Не стала срываться на крик, не стала обвинять столичную гостью в разрушении семьи или стыдить сына за трусость. Я просто остановилась у края стола и сделала полшага в сторону, уступая место Маргарите Львовне.

Аудитор подошла вплотную к дубовой столешнице. Она не стала здороваться или представляться. С профессиональной, пугающей невозмутимостью она положила свою тяжелую картонную папку прямо поверх рук мужа и договора Виоллы.

- Переговоры окончены, господа, - сухим, протокольным, канцелярским голосом произнесла Маргарита. В ее тоне не было ни капли эмоций, только безжалостная констатация факта. - Я представляю интересы Ульяны Петровны Строгановой. Уведомляю присутствующих о том, что любые сделки с долями данного гостиничного комплекса с этой минуты являются юридически ничтожными.

Георг замер. Его рука медленно, словно парализованная, сползла с бумаг.

- Что за бред вы несете? - хрипло выдавил он, растерянно глядя на Маргариту. - Я законный владелец половины этого здания!

- Здания - да, - коротко кивнула аудитор, постучав ухоженным ногтем по верхней выписке из Росреестра. - А вот земля под ним, все двадцать соток у подножья горы, является единоличной собственностью моей клиентки. Добрачное наследство. И сегодня утром Ульяна Петровна подписала официальный запрет на использование данного земельного участка в коммерческих целях. Гостиничный бизнес заблокирован. Вы можете владеть своими стенами сколько угодно, Георг Николаевич, но зарабатывать деньги на этой земле вам больше никто не позволит.

Тишина, повисшая над террасой, стала оглушительной. Я видела, как в замедленной съемке рушится вылизанный мир моего мужа. Серая, землистая бледность неровными пятнами поползла по его красивому лицу. Губы приоткрылись, но звук не выходил из пересохшего горла. В его расширенных зрачках плескался животный, первобытный ужас человека, который внезапно осознал свою абсолютную беспомощность. Великий альпинист, покоритель вершин только что понял, что вся его жизнь, весь его статус и все его деньги десятилетиями держались на одной бумажке, которую он высокомерно забыл оформить.

Виктор перевел на меня потрясенный, остекленевший взгляд. В этот момент в голове сорокалетнего мужчины окончательно рассыпался удобный миф о всемогущем отце, который построил всё сам. Он понял, кто на самом деле все эти годы был единственным фундаментом их сытой жизни.

Но быстрее всех среагировала Виолла. Хищница, обладающая безупречным капиталистическим чутьем, мгновенно оценила риски. Актив, который она собиралась купить со скидкой ради своего эго, оказался не просто убыточным - он оказался токсичным. Георг был не только несостоятельным банкротом в быту, он был еще и напыщенным лжецом, который даже не контролировал собственную недвижимость. Виолла брезгливо сморщила нос, изящным, плавным движением вытащила свой договор из-под папки Маргариты, аккуратно сложила его пополам и сунула в глубокий карман кашемирового пальто. Ее роман с суровыми горами закончился прямо здесь и сейчас.

Я смотрела в побелевшие, бегающие глаза своего мужа. В них больше не было ни снисходительности, ни бархатной уверенности. Только страх пустоты.

- Ты назвал меня удобной равниной, Георг, - мой голос прозвучал тихо, но в морозном воздухе каждое слово ложилось на доски тяжелым свинцом. - Так вот, эта равнина уходит из-под твоих ног. Добро пожаловать в свободное падение.

Я медленно развернулась спиной к застывшим за столом людям. Поправила воротник куртки, пряча подбородок от колючего ветра, и начала спокойно спускаться по лестнице во двор, ощущая под подошвами жестких ботинок надежную, свою собственную землю.

Глава 14. Осадок на дне

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.